

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Конституционное и административное право»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Правовое обеспечение государственного управления и местного самоуправления

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации

Студент

К.В. Гуринов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

к.ю.н., доцент, А.Н. Станкин

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Содержание

Введение.....	3
1 Религия в гражданском обществе и правовом государстве	8
1.1 Сущность религии в обществе и правовом государстве	8
1.2 Взаимоотношение религии и права в Российском государстве.....	20
1.3 Пределы свободы религии и свободы вероисповедания в Российском государстве.....	27
2 Понятие и сущность религиозной безопасности в Российской Федерации	33
2.1 Понятие религиозной безопасности и ее место в системе общей безопасности государства.....	33
2.2 Религиоведческая экспертиза как необходимое условие в достижении обеспечения религиозной безопасности	45
2.3 Методы обеспечения религиозной безопасности в Российском государстве	49
3 Приемы и способы обеспечения религиозной безопасности в современной России	60
3.1 Острые проблемы религиозной безопасности для российского государства на современном этапе развития общества и государства	60
3.2 Возможные пути стабилизации и повышения эффективности обеспечения религиозной безопасности в Российской Федерации.....	66
Заключение	70
Список используемой литературы и используемых источников.....	72

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена существующими в настоящий момент угрозами национальной безопасности, которые угрожают абсолютно любому государству.

Сегодня в России очень много внимания уделяется проблемам национальной безопасности, куда традиционно включаются все основные сферы жизнеобеспечения государства и общества: политические, экономические, социальные, культурные, а также вопросы защиты прав и свобод граждан России.

Правоохранительные органы постоянно делают заявления об эффективной борьбе с террористами, пресечении различного вида преступлений и разоблачении хранилищ оружия. В то же время, одним из достаточно мощных и эффективных видов оружия выступает религия, которой в настоящее время уделяется очень мало внимания со стороны органов, следящих за национальной безопасностью России.

В Российской Федерации сегодня официальная статистика членства в религиозных организациях отсутствует: законом запрещено требовать от граждан заявления о своей принадлежности к религии.

Но, тем не менее, общеизвестно, что самыми распространенными являются христианство и ислам. Что касается ислама и христианства, и их взаимоотношений, то должны признать, что эти вопросы представляют собой одну из самых щепетильных сторон межконфессиональных отношений в современном российском обществе, и вызывает интерес у религиоведов. Этот вопрос представляет собой не только теоретическую проблему, но и практическую, связанную с вопросами гражданской безопасности.

Именно поэтому цивилизованный диалог между исламским и христианским миром является сегодня важной и крайне необходимой практикой для поликонфессионального общества.

И, как отмечают многие ученые, важнейшая роль в межконфессиональном диалоге принадлежит России, где мусульмане и христиане уже несколько столетий живут вместе.

В связи с обострившейся религиозной ситуацией на почве миграции в настоящей статье предлагается пересмотреть положения отечественного законодательства в части конкретизации и определения границ дозволенного и запрещенного в правоотношениях, возникающих по сфере религиозных отношений, что позволит в первую очередь правоохранительным органам обеспечивать более эффективную национальную защиту, в частности в религиозной сфере.

При этом ни в коем случае не призывает нарушить международные положения о недопустимости дискриминации по признаку религиозной принадлежности, но, вместе с тем, указывает на необходимость указания доминирующей религии России для решения проблемы жалоб граждан на некоторые неприемлемые для них обряды иных религиозных групп.

Цель данной диссертации – дать комплексное представление о конституционно-правовых основах религиозной безопасности в Российской Федерации.

Исходя из содержания Конституции РФ следует, что в нашем государстве приоритетным над религиозным содержанием основы нравственности граждан будет стоять закон, однако нельзя не учитывать и огромного влияния на формирования поведенческих привычек у граждан под влиянием религиозного аспекта общественной жизни.

Учитывая, что религия оказывает огромное влияние на формирование представлений и жизненных устоев у подавляющего большинства граждан нельзя не принимать во внимание важность и необходимость обеспечения религиозной безопасности внутри государства для поддержания стабильности политического и социального направлений.

Для достижения поставленной цели и ее наиболее полного анализа были сформулированы следующие задачи:

- Необходимо раскрыть сущность религии и определить ее место в гражданском обществе и правовом государстве,
- Выделить пределы свободы вероисповедания в Российском государстве;
- Определить характер взаимоотношений религии и права для Российского государства,
- Сформулировать содержание понятия «религиозная безопасность»,
- Определить ее место в системе общей безопасности для государства,
- Дать содержательную характеристику важности применения религиоведческой экспертизы как необходимого условия в достижении обеспечения религиозной безопасности,
- Проанализировать комплекс методов, с помощью которых достигается гарантия обеспечения религиозной безопасности в Российском государстве.

Объектом исследования становится весь комплекс правовых отношений, базирующийся на констатации конституционно-правовых основах обеспечения и гарантии религиозной безопасности в Российской Федерации, а предметом является сама религиозная безопасность страны, которая имеет свое проявление в политической и социальной сферах общественной жизни государства и общества.

Основными методами, используемыми при написании диссертационного исследования послужили методы комплексного анализа и синтеза, правового анализа законодательства, исторический метод, позволивший проследить развитие и влияние религиозных воззрений на формирование права в государстве в динамике, а также частные методы познания, используемые при анализе конкретных правовых и общественных явлений.

Степень исследования проблематики является средней степени погруженности, поскольку вопросы религии всегда были краеугольными не

только для гражданского общества, но и для ученых различных областей исследования правовых явлений. Трудность достижения объективных данных в познании заключается, в том числе и в отсутствии единой религии, на базе которой можно было строить схему доводов и теорий достижения религиозной безопасности страны. Все же, объективные вопросы обеспечения религиозной безопасности без озвучивания принадлежности к религиозным организациям были исследованы многими учеными, например, С.А. Авакьян, В. Алексеевым, А.И. Богдановым, В.А. Тумановым, А. Васильевой, С.В. Козловым, Ж.Я. Малешиним, А.В. Митрофановым, С.В. Полениной, Н. Посадским, В. Розиним, И.А. Тарасевичем и многими другими.

Кроме того, для составления общей картины обеспечения религиозной безопасности был составлен так называемый «взгляд извне» путем анализа содержания зарубежной литературе по проблематике вопроса.

Таким образом, на защиту выносятся следующие положения.

- Религия – это эффективная система управления людьми, которая играет далеко не последнюю роль в государственных делах, и потому, очевидно, занимает почетное место в системе государственного аппарата, разделяя и реализуя цели и направления управления государством с лидирующими на тот момент политическими течениями;
- В российском государстве созданы все условия для спокойной и созидательной жизни людей разных наций и народностей. Самое главное, что, несмотря на коллизии современности, проявляющиеся в обострении и противостоянии в различных странах, у нас царит мир - мир в любимом государстве и мир в каждой человеческой душе;
- Мы считаем, что подобный тандем между религиозными нестроениями и правовыми направлениями деятельности в государстве не играют положительной роли в управлении страной.

К праву необходимо подходить с рациональной, а не эмоциональной точки зрения и восприятия, в то время как религиозными пристрастиями движим именно приверженцы эмоционального воззрения, которые не берут в расчёт объективные реалии, а используют в качестве основания только лишь порывы своей души в религиозных началах.

- Вне зависимости от национальности или вероисповедания, жители государства должны быть готовы активно сотрудничать в области просвещения и духовного воспитания, преодоления негативных тенденций современности, связанных с определенной деградацией моральных и нравственных ценностей.
- Религиоведческая экспертиза – это систематизация и анализ данных о конфессиональной структуре, необходимые для обоснования легитимности ее деятельности.
- Основными угрозами государственной и общественной безопасности являются деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривластной и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, восьми параграфов, заключения и списка используемых источников.

1 Религия в гражданском обществе и правовом государстве

1.1 Сущность религии в обществе и правовом государстве

Ст.14 Конституции РФ гласит, что Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Принцип светского государства означает, что всем гражданам гарантируется свобода вероисповедания, никакая религия не устанавливается в качестве обязательной. Однако при практической реализации конституционных идей далеко не всё однозначно.

Наверное, нет смысла напоминать события прошлых десятилетий, когда этот принцип был воспринят в качестве безусловного и прогрессивного принципа, обеспечивающего свободу совести, религиозное многообразие и возможно гарантирующее государственное невмешательство в отношения между разными религиозными организациями. С тех пор, как Конституция была принята и вступила в действие, прошло немало лет и взгляд на эту идеалистическую картинку несколько изменился.

Несмотря на стремление современного законодателя обеспечить свободу вероисповедания и религиозное многообразие, национальные и международные судебные органы сталкиваются с различными религиозно-правовыми спорами: в сфере реализации общих принципов и гарантий свободы вероисповедания; по вопросам соотношения религии и светского образования; в связи со своеобразным толкованием верующими отдельных положений религиозных текстов, по вопросам регистрации и ликвидации религиозных организаций [32].

И надо отметить, что понятно почему. Это только в учебных курсах право, политика, государство излагаются в абстрактных тезисах, являются как бы теоретическими дисциплинами. В реальной же действительности, это,

по сути, прагматичные способы строения общества на основе совокупности некоторых правил, позволяющих развиваться человеку и всему государству в целом. Разумеется, в учебниках по праву можно говорить о государстве как о некой абстракции, существующей вне времени и пространства, без имени, без прошлого, без национальности, без религии и религиозных традиций.

Государство – это, как однажды выразился Чичерин Б. Н. [90]-[100], политически организованное отечество.

Оно создается в конкретном народе, который уже к моменту своей политической организации, сформировал в себе некоторые традиции, привержен определенным политическим идеям и, конечно же, конкретному религиозному культу. Народа, который был бы атеистичным, по своей природе история не знает, и скорее всего, не узнает никогда. Что входит в задачи государства, когда оно возникает? Именно тогда, когда весь народ в массе своей и каждый его член способен подняться над личными интересами и осознать такую категорию как общее благо, столь любимую римлянами, государство должно это общее благо сформировать и защитить.

Тогда-то и появляется потребность в законе. Это благо конституирующее. Единая власть – это благо защищающее и религии, наполняющей это понятие конкретным этическим содержанием. Каждое государство стремится жить по справедливости. Навряд ли кто-то может привести пример общества, осознанного, стремящегося строить себя в несправедливости. Вот это та справедливость и дается религией.

Ф.М. Достоевский потому и утверждал, что нацию рождает только религиозная идея. В отличие от теоретических статей конкретное историческое государство со всей очевидностью демонстрирует тот факт, что его народ исповедовал и оно было создано на основе конкретного религиозного культа и любая из великих цивилизаций создавалась на этой основе (еврейская, христианская, буддийская и т.д.). Не было и никогда не будет народа, создающего государство без осознания того, что такое хорошо, а что такое плохо, т.е. лишенного самого понятия справедливости в

конкретном его содержании. Неправда будто религиозные, этические идеи сегодня не влияют на законодательство. Почти каждый институт нашего законодательства начинен религиозными идеями и предпосылками, о чем не сложно убедиться самостоятельно. Например, в частности с точки зрения некоторых языческих культов занятие проституцией является не просто допустимым явлением, но даже входит в состав религиозных мистерий.

Очевидно, наш КоАП не разделяет это убеждение, поскольку статья 6.11 КоАП гласит, что занятия проституцией является административным правонарушением и влечет наложение штрафа в установленном размере. Древним жрецам, надоумливающим девушек к данному ремеслу, не повезло бы, если бы они жили сегодня в нашей России. Поскольку статья 240 УК устанавливает, что проституция является уголовно наказуемым деянием.

Более того деяния, предусмотренные другими статьями квалифицирующими признаками, наказываются еще более тяжело. А получение дохода с занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица, также подлежит наказанию по статье 6.12 КоАП. С прагматической точки зрения, если обсуждать сугубо теоретически, такое регулирование едва ли может найти разумное обоснование. В конце концов, кому какое дело, если женщина решила таким образом заработать.

И очевидно данный запрет обусловлен не санитарными и иными соображениями, а этическим отвращением от этого рода занятий, врожденным убеждением, что блуд есть грех, а проституция противоречит божественному замыслу о женщине. И действительно апостол Павел так и говорил: «Совокупляющийся с блудницей становится с ней одним телом». [5(1Кор.6:16)]

Статья 131 УК говорит об изнасиловании как об акте, совершенном с применением насилия или угрозы. Объектом преступления является половая свобода женщины. Примечательно, что законодатель не делает исключения для мужей. С его точки зрения действия, совершенные против воли супруги, подпадают под действия этой же статьи, потому что женщина и ее свобода

котируются невероятно высоко в религиозном смысле слова. Жена есть слава мужа, говорится в апостол Павел. [5(1 Кор.11:7)] Очень трудно не обнаружить сходство мысли между составителями евангелие и современным законодателем. Факт то, что все крупные религии крайне негативно относятся к однополым отношениям. Хотя с точки зрения абстрактной свободы и справедливости – это никак необъяснимо.

Однако наш законодатель, усвоивший взгляды на справедливости конкретных религиозных культов, придерживается противоположной позиции. Согласно статье 6.21 КоАП пропаганда нетрадиционных отношений, выразившейся в распространении информации, направленное на формирование нетрадиционных установок, привлекательности нетрадиционных отношений влечет за собой наложение административного штрафа.

Надо полагать слова законодателя об искаженных представлениях, о равноценности традиционных отношений появились совсем неслучайно. Очевидно, потому что, законодатель видел перед собой другой этический идеал в виде традиционных отношений между мужчиной и женщиной. О нетрадиционных отношениях в священных писаниях говорится как о мерзости содомской. Эти же действия, как гласит наш закон, совершенные с применением СМИ либо Интернета караются более жестоко, потому что законодатель совершенно не желает, чтоб такая форма доминировала в обществе.

В данном примере мы тоже видим конкретное религиозное начало. Сегодня все чаще говорят о легализации однополых браков. Однако семейный кодекс придерживается, увы, тех религиозных убеждений, что называется исключительно союз одного мужчины и одной женщины. Причем опять же в полном соответствии со священным писанием утверждает некоторые принципы семейных отношений, которые защищаются и охраняются государством, к примеру, Семейным Кодексом. Законодатель по-разному относился к умышленному убийству в обществе, это действие никак

не относилось к числу благодеяний матери, решившей избавиться от своего ребенка.

Разумеется, совершенно, бесспорно, в основе данной оценки лежит зачастую смутное, не вполне осознанное, но, тем не менее, верное устойчивое понимание роли женщины того, что рождение ребенка — это дар божий. И хотя сегодня утверждают, что аборт является высшим правовым достижением 20 века, поскольку развязывает женщине руки для ее карьеры, это мнение еще не стало подавляющим у россиян, и даже в американском обществе. Еще древние римляне считали правоведа жрицами, поскольку те были приобщены к божественному творению, к праву, к закону.

В последствии средневековые глоссаторы писали «Священники служат священному и создают его; точно то же и делаем мы, ибо законы — это самое священное».

В средние века император как законодатель и лицо верховной власти получал наиболее полное сосредоточение, считался посредником между богом и земным законом. Иоанн Парижский писал в 1300 году «Государь хранитель справедливости». А Фридрих второй говорил о себе, как об отце и сыне правосудия, о господине и слуге. Ничего, разумеется, в такой теоретизации нет плохого и не случайно поэтому принцип обеспечения свободы и совести не мешает сегодня целому ряду самых демократических государств Европы заявлять о своей приверженности тому или иному религиозному культу со всеми разумеется вытекающими последствиями. И как видим религиозная идея, причем конкретная религиозная идея, всегда лежит в основе законодательства.

Иными словами, регулирует нашу повседневную жизнь и предлагает в качестве идеальных или хотя бы просто нормальных определенных моделей поведения, вводит в бытовой обиход известные правила поведения, суть которых сводится к тому, что они являются обязательными и абсолютными. Было бы неоправданно смело говорить, что все они суть порождения исторического развития и плод человеческих рук.

Напротив, именно, потому что они не человеческие, потому что ни признаются нами и действуют даже в тех случаях, когда не закреплены нормы государственного закона и имеют статус обычного права, они имеют столь непреходящее значение. В заключение отметим, чтобы общество жило счастливо, просто, чтобы оно продолжало существовать, необходима социальная и духовная солидарность всех его членов. Россия – многонациональное государство и в Конституции РФ содержится ограничение, суть которого в том, что запрещается под страхом уголовного преследования заявлять о превосходстве какой-либо культуры, языка или религии над другой.

«Мера свободы человека (личности) обеспечивается посредством утверждения духовно-нравственной свободы (свободы убеждений, сознания). Свобода религии в правовом поле реализуется посредством осознания человеком своей свободы, способности противостоять произволу других субъектов. Мировоззренческая свобода становится сущностной характеристикой свободы сознания (религии).

В этом и заключается одно из ключевых противоречий религии и права - религиозное сознание исключает свободный выбор, основывается на мировоззренческих догматах, принимаемых на веру. Однако при оценке сущностных характеристик свободы религии оказывается, что именно она и становится источником формирования естественных прав и свобод. Аналогичные противоречия выявляются и в онтологических оценках сущности правового сознания как осознанного отношения к свободе других, стремлении к ценностям справедливости и равенства» [33, с. 85].

«Субъективная природа религиозного мировоззрения лишает человека свободы в выборе мировоззренческих ориентиров. Именно поэтому невозможно сформировать правовую культуру на основе религиозного мировоззрения в силу их различной бытийной природы. Поведение индивида во внешней среде становится объектом регулирования как права, так и религии. Правовая свобода реализуется посредством обеспечения свободы

выбора, недопустимости принуждения. Религия также регламентирует внешнюю сторону жизни людей в первую очередь посредством института церкви. Публичный характер данного социально-политического института влечет неизбежную конкуренцию церкви и государства, несмотря на формально-юридическое неравенство данных субъектов правоотношений.

Церковь выступает в качестве общественной организации, а государство является публично-правовым субъектом. Концепция светского государства становится следствием конкурентной природы данных институтов. Сформированная в рамках государственной идеологии, концепция призвана обеспечить гарантию и защиту свобод личности в условиях приоритета естественно-правовой доктрины конституционного регулирования» [34, с. 59].

«Данная гарантия может быть реализована на основе формального равенства - свобода порождает права человека. Естественно-правовая доктрина, основу которой составляет идея права как меры свободы и равенства прав человека, определяет границы поведения субъектов правоотношений, в том числе государства и церкви. Синонимичность понятий «равенство» и «справедливость» обеспечивает единообразие требований к внешним проявлениям поведения субъектов отношений, включая как материальные, так и духовные блага. Эквивалентность (соразмерность) деяния и санкции за его совершение составляет сущностную характеристику справедливости в правовом контексте. Религиозное мировоззрение напротив зачастую отрицает равенство и справедливость как онтологические признаки личности. Следствием становится конфликт религии и права как социальных регуляторов» [31, с. 50].

Его разрешение связывается с доктриной светского государства и практикой регулирования взаимоотношений государства и религии. С учетом тенденций правового нигилизма, отрицающих право, как меру справедливости и свободы личности, апелляция к религиозному сознанию

становится средством оправдания социальной несправедливости, свойственной традиционному государству.

«Ценность права как меры свободы в современном обществе обеспечивается гарантиями свободы убеждений, мнений, свободы совести, как элементами светского государства. Религиозная свобода позволяет человеку следовать собственным убеждениям, включая право исповедовать любую религию или быть атеистом. Светское государство обеспечивает развитие свободы личности.

Автономия церкви и государства, отделение религии от публичной власти является гарантом прав и свобод личности в современном правовом государстве. Отказ от прямого вмешательства в деятельность церкви со стороны государства и частноправовая сфера функционирования религии становятся признаками доктрины светского государства. Разделяя институты государства и церкви, практика секуляризма порождает независимость публичной власти от религиозных субъектов. Отделение церкви от государства обеспечивает и реализацию принципа разделения властей как условия формирования и развития правового государства, основанного на свободе граждан как онтологической сущности светского государства.

Разделение властей не означает только принцип организации публичной власти, но и предполагает разграничение полномочий политической и социальной властей, выступая своеобразной закономерностью социального пространства. Светское государство обеспечивает разделение духовной и политической власти, обеспечивая реализацию меры свободы как критерия справедливости, как в отношении государственной власти, так и религиозного мировоззрения. Формы участия граждан в управлении государством, наряду с принципом разделения властей, обеспечивают формирование условий для обеспечения правопорядка» [21, с. 66].

«Делиберативная концепция демократии как результат достижения консенсуса всех субъектов правоотношений, формирует общее пространство

солидарности и публичного разума. Обеспечение правопорядка в условиях религиозного мировоззрения не представляется возможным, поскольку последнее отличается догматизированностью и не способно обеспечивать развитие правового государства. Публичный порядок ставится в прямую зависимость от реализации принципа равенства, что возможно только при условии правовой доминанты. Аксиологическим основанием светского государства оказываются естественные права и свободы человека, закрепленные в Конституции Российской Федерации» [41, с. 99].

«Исходя из предшествующих суждений об антагонизме религии и права в рамках концепции светского государства, возможно сформулировать следующие признаки светскости. Во-первых, отсутствие любого принуждения к вероисповеданию, религиозному мировоззрению. Во-вторых, равенство разнообразных религиозных течений в отношениях друг с другом и в отношениях с государством.

В-третьих, общественный прогресс не позволяет отдавать предпочтение определенным религиозным воззрениям, которые должны быть в равной степени учтены в процессе формирования политической и социальной идентичности. Концепция светского государства становится единственным средством обеспечения конституционных гарантий прав и свобод граждан и преодоления мировоззренческих противоречий между религией и правом как социальными регуляторами отношений в обществе» [55, с. 60].

«С точки зрения типологии государств возможно говорить о различной природе сущностного конфликта между религией и правом. Выступая нормативным регулятором жизни общества и государства в теократическом и клерикальном государствах, религия перемещается в сферу частных правоотношений в светском государстве. Попытки официального признания носителем верховной власти определенной религии не способствуют диалогу религии и права, а, напротив, порождают нарушение баланса между данными социальными регуляторами. Свобода выбора, лежащая в основе идеологии

светского государства, препятствует утверждению государственной религии или даже ее политическому признанию на уровне публичной власти» [44, с. 100].

Как социальные регуляторы право и религия также имеют общность, поскольку они устанавливают правила поведения субъектов отношений. Волевой признак в действиях субъектов требует от каждого регулятора учета личностно-мотивационной, ценностной сферы во взаимоотношениях субъектов.

«Единство целеполагания также сближает право и религиозное мировоззрение, поскольку профилактика противоправного поведения становится приоритетом и религии, и права. Представляется, что основным камнем преткновения между правом и религией оказывается установление приоритета позитивных прав и свобод, зачастую в ущерб естественным. Только на основе естественно-правовых ценностей возможно преодоление сложившегося противоречия. В отличие от права, сущностная природа которого порождает позитивистский взгляд на явления и процессы окружающего мира, религия обращается к мировоззренческой природе человека, его души, что приводит к доминанте естественных для человеческой природы духовно-нравственных проявлений.

Преодоление выявленного противоречия находится в сфере расширения области естественно-правового регулирования, реализации конституционной модели светского государства. Способы регулирования общественных отношений также позволяют разграничить области религии и права. Институт брака в семейном праве оценивается через призму условий вступления в брак, обстоятельств, препятствующих заключению брака, процедуры регистрации в органах записи актов гражданского состояния. Брак в религиозном сознании связан с достижением духовно-нравственного единства мужчины и женщины перед лицом Бога, готовности к созданию патриархальной семьи» [26, с. 58].

«Снижение брачного возраста, свойственное религии, не соответствует общим тенденциям семейного законодательства, обеспечивающего гарантии свободы волеизъявления лиц, вступающих в брак и достигших брачного возраста. Гендерный подход в наследственных правоотношениях, свойственный религиозному мировоззрению, противоречит принципу равенства прав и свобод мужчины и женщины» [37].

Гуманистические ценности в религиозном сознании оказываются зачастую вторичными по отношению к определению меры ответственности субъекта совершения преступления. Признавая высшую ценность человека, религия зачастую настаивает на применении уголовных наказаний, зачастую унижающих честь и достоинство человека.

Современный этап развития цивилизации порождает новые тенденции социального бытия: клонирование, суррогатное материнство, методы репродукции человека и т. д. Результатом становится установление приоритета правового регулирования данных областей, поскольку религиозное мировоззрение не сформулировало собственное понимание данных тенденций развития цивилизации или предложило недостаточно обоснованную точку зрения, порождающую коллизии с правопониманием.

«Несомненно, светский характер государства порождает потребность урегулирования отношений между религией и государством на уровне публичных правоотношений. Во-первых, требуется определить сферы общественной жизни, в которых подобное взаимодействие может быть наиболее эффективным.

В частности, право должно использовать потенциал нравственных норм, традиций, морально-нравственных установок религии для обеспечения социальной стабильности. Достижение задачи формирования правового государства становится возможным только при условии взаимодополняемости правовых и религиозно-нравственных норм в тех сферах, где это возможно. Например, молодежная политика не может быть реализована в полном объеме без вовлечения в воспитательную и

профилактическую работу с молодежью религиозных институтов. Однако публично-правовой характер отношений, урегулированных правом, не может подвергаться сомнению, поскольку от него зависят гарантии свободы вероисповедания.

Частная сфера отношений (духовно-нравственное воспитание, социокультурная сфера) требует разграничения предметной области религии и права на основе совместного решения проблем социума, развития духовного мира человека. Именно область правовой культуры становится сферой пересечения интересов государства и религии» [36, с. 57].

Правосознание определяется социокультурным опытом и духовно-нравственными установками, представлениями человека о добре и зле, допустимой мере поведения в условиях как действующих правовых норм, так и религиозного мировоззрения. Данные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии онтологических противоречий между религией и правом.

Конфликтная природа данных общественных регуляторов мнимая и обусловлена пассивной позицией государства в отношении налаживания их взаимодействия, включения религиозных субъектов в разрешение ключевых социальных противоречий, глобальных проблем социума.

«Сфера духовной свободы как приоритетная область религиозного бытия человека обеспечивается только посредством включения последнего в соблюдение религиозных предписаний. Игнорировать это государство не вправе, поскольку духовная свобода недостижима без обеспечения равенства вероисповеданий, свободы религиозного самовыражения. Нейтралитет государства по отношению к религиям как признак светского государства становится единственным механизмом преодоления потенциальных конфликтов во взаимодействии религии и государства. Процессы глобализации повлекли за собой обострение отношений между правовым и религиозным социальными регуляторами.

Это связано с разногласиями в понимании сущности общечеловеческих ценностей свободы, равенства, гуманизма и т. д.; отказом от традиционных

ценностей добра и зла в контексте правовой культуры, передачей их в предметную область государства; смешением религиозных и общецивилизационных ценностей. Разрешение данных противоречий становится возможным только в случае признания светского государства в качестве самостоятельной ценности как для религиозного мировоззрения, так и для правопонимания» [31, с. 59].

Частная область общественных отношений должна сохранять религиозную сферу регулирования при условии определения государством границ действия правовых и морально-нравственных правил поведения.

Концептуальная природа светского государства порождает перспективы разрешения противоречий права и религии на основе достижения консенсуса в области правовой культуры, правосознания и морально-нравственных установок.

1.2 Взаимоотношение религии и права в Российском государстве

С момента познания человеком себя как личности важной составляющей жизнедеятельности являлась, и по сей день является, религия. Существует немалое число определений религии, в чем-то они схожи, в чем-то отличны. Однако нельзя не отметить, что религия – не случайна, ее образование и существование в обществе неизбежны, она тесно переплелась с историей общества и живет, и меняется вместе с обществом.

В мировом религиоведении сосуществуют две точки зрения на возникновение религии. Одна из них говорит нам о том, что религия возникла как некий инструмент воздействия на человека, она признак несвободы и господства чего-то непостижимого над людьми. Другая же точка зрения оппозиционна и гласит о том, что религия это есть свобода, стремление к чему-то Высшему. Человек – социальное существо, стремящееся верить в высшие силы, которые даруют нам жизнь, блага,

защиту. Так повелось с древних времен. Изначально «божественностью» были наделены вещи и явления, окружающие людей. Затем планомерно тотемизм изменялся, перевоплощался, и появилась вера в духов. Вера в духов видоизменялась, перерождалась, и появились святые и вера Бога. Однако с момента возникновения человека, религия, прежде всего, была регулятором человеческих отношений.

Религиозные нормы – это важный пласт человечества, регулирующий общественные отношения [3]. Столетиями решение личных, семейных и бытовых проблем крылось в религиозных нормах и правилах. В наши дни религиозные нормы также играют немаловажную роль, регулируя общественные отношения, так, например, в мусульманских странах действуют нормы Корана, Сунны и Иджмы, в современной Германии действуют нормы канонического права. В православии также есть необязательные, но тесно переплетенные с повседневной жизнью обычаи, так, например, после регистрации брака в ЗАГС часть супружеских пар проводят таинство венчания дабы узаконить свои брачные узы не только перед обществом, но и перед Богом.

Современные религии имеют не только отличия, но также и схожие черты, о чем первым в своей лекции в Королевском институте Лондона поведал ученый немецкого происхождения Макс Мюллер. Именно он предложил научной общественности «сравнительное религиоведение» как термин и как сущность.

Макс Мюллер провел аналогию между развитием религии и развитием языка и мышления. Он утверждал, что развитие религиозного сознания людей проходило «снизу-вверх», т. е. эволюционировало от культа видимой природы до почитания Бога. Ученый выделял три языковых, соответственно и религиозных центра развития, таких как арийский, семитский, туранский. При сопоставлении священных текстов различных религий было обнаружено и изучено то общее, что составляет религию в целом как социальный феномен.

Макс Мюллер автор такого афоризма, как «кто знает одну религию – не знает ни одной». Данный афоризм подчёркивает важность сравнительного религиоведения как науки [10]. При сравнительном анализе существующих религиозных доктрин было выявлено, что уникальностью ни одна из них не обладает, ни в одной религии нет какого-либо явления или факта, который бы касался истории только данной религии. Поскольку сравнения основаны на аналогиях, для их проведения требуется контекстуальное историко-культурное уточнение.

При исследованиях сравнительного религиоведения выявлена общая природа отношения людей к важным для человечества понятиям таким, как священное, духовное, божественное.

Как и в любой научной дисциплине в религиоведении имеется ряд правил, которые заключаются в следующем:

- различные религии не должны сравниваться между собой в целом, поскольку это бесперспективно, что и показано в книге «Методологические подходы к мировым религиям» автора Удо Творушка;

- при сравнении всегда необходимо учитывать религиозное многообразие;

- сравнения производиться должны в идентичных структурных слоях.

При проведении сравнительного анализа необходимо отличать феномены похожие по названию, но отличные по смыслу от аналогичных феноменов, что было указано в книге Генриха Фрика «Сравнительное религиоведение» [26].

Влияние религиозных норм на жизнь общества тем выше, чем выше уровень влияния религии в конкретной стране. Человек такое существо, которое неотвратимо существующего наказания боится гораздо сильнее, чем наказания души после смерти тела. Поэтому на данный момент уголовная ответственность, наступающая как мера наказания за негативные деяния, является в большей степени сдерживающим фактором от совершения таких деяний нежели церковные заповеди. При этом религия и ее нормы оказывают

влияние на последователей той или иной религии. При различных целях норм права и религии, тем не менее необходимо комплексно исследовать их взаимодействие, поскольку они выступают регулятором общественных отношений.

В юриспруденции право традиционно понимается как регулятор общественных отношений. Поскольку право выступает в качестве универсального регулятора общественных отношений, оно является одним из инструментов государства.

С момента возникновения государств религиозные нормы содержались в мифах, обычаях, обрядах и ритуалах, затем при развитии человечества и государства как структуры общества религиозные нормы отразились на законах, указах. Письменное отражение религиозных норм характерно для таких религий, как иудейская, христианская, исламская. В религиозных нормах в большей степени выражен элемент обязательности, принуждения. Отличие религиозных норм от правовых в том, что фундаментом религиозных норм являются религиозные идеи и представления. Религиозные нормы регулировали также и светские отношения, а право при этом в некоторых странах выражалось в религиозных предписаниях.

На протяжении истории всех правовых систем наблюдается тесная взаимосвязь права и религии, без исключения религиозные предписания и правила влияли на законодательство древних времен, что наиболее выражено в законодательстве древних восточных государств.

При соотношении норм права и религии важно отметить, что они выступают в качестве самостоятельных регулятивно-охранительных систем. При таком подходе церковь отделена от государства, сферы регулирования норм права и религиозные правила выражены как самостоятельные сферы. Нормы права устанавливаются государством, при этом государство гарантирует их выполнение обществом. Государство вершит правосудие посредством правовых норм, а также осуществляет меры юридической ответственности [29].

Главным принципом мер юридической ответственности является неотвратимость адекватного наказания за тот или иной проступок в соответствии с причиненным вредом. Для Российской Федерации характерен принцип свободы вероисповедания, который закреплен в Конституции РФ, означающий, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

«В соответствии с этим религиозные нормы оказывают влияние только на представителей определенной конфессии. В том случае, когда религия представляет основание и основную ценность права, провозглашается единая государственная религия, которая обеспечивается посредством государственного принуждения. Примером современного «религиозного права» является шариат. В нем, с точки зрения исламской религии, совместно с духовными освещаются также и светские проблемы» [64].

Социальные нормы различны и имеют неодинаковую природу, но при этом имеют общую цель – регулирование общественных отношений. Они призваны обеспечивать стабильность в обществе. Нельзя однозначно определить хронологическую последовательность возникновения религии, морали и права, так как процесс этот значительно отдалён по времени от сегодняшнего дня и дошедшие до нас источники информации не дают возможности точно ответить на этот вопрос. Это вызывает к жизни множество теорий и гипотез, по-разному определяющих время их зарождения. В своих трудах Марк Хаузер говорил: «Одни понимают эту связь так, что не может быть морали вне религии, а другие видят в религии лишь один из путей выражения морали».

Споры о первичности морали и религии не утихают и до сих пор. Сторонники первичности норм морали, основывают свою позицию на том, что высокий уровень кооперации социальных отношений мог быть достигнут благодаря развитию следующих моральных принципов: понятию допустимых и недопустимых действиях, определения сущности добра, зла, справедливости и несправедливости. В свою очередь религия, по их мнению,

является продуктом моральных норм. Мы начнём с морали, так она является наиболее универсальным социальным регулятором поведения человека.

Мораль – это один из основных способов нормативной регуляции действий людей по отношению друг к другу и обществу в целом, особая форма человеческого сознания. Основные категории морали - это добро и зло, долг и справедливость, совесть и честь и т.д. Существует множество точек зрения на причины зарождения и развития морали, среди которых можно выделить религиозную, согласно которой, все нравственные ценности, а именно нормы, принципы, понятия о добре и зле предписаны человеку Богом.

Многие исследователи склонны выделять такую характерную черту религиозных норм, как экспансивный характер, то есть постоянная тенденция к расширению в правовой системе. Например, проводя анализ правовой практики в исламских государствах (в частности, тех, в которых сохраняется значимое влияние мусульманского права) принятая государством Конституция играет роль номинального закона, в какой-то степени не порождающего обязанностей государства к обществу, а роль основного закона принадлежит Корану.

Подводя предварительный итог, следует указать, что религиозные нормы начали складываться еще в первобытном обществе параллельно с обычаями. Религиозные нормы представляют собой особую форму должного поведения, основанного на вере в сверхъестественные силы, это их отличает от норм права и в какой-то степени сближает с нормами морали (вера в добро и справедливость).

Следующим социальным регулятором, который мы рассмотрим, является норма права – это общеобязательное формально-определенное правило поведения, установленное и обеспеченное обществом и государством, закрепленное и опубликованное в официальных актах, направленное на регулирование общественных отношений путем определения прав и обязанностей их участников. Необходимо отметить, что

предшественником правовой нормы была – мононорма. С точки зрения теоретико-правовой литературы, мононорма – это слитная норма архаического общества, соединяющая в себе черты норм морали, религии и права.

Понятие мононормы вытекает из тезиса российского профессора Б.С. Шалютина, который предположил, что постприродный мир является прародителем современного человеческого общества, из этого следует вывод, что в постприродном периоде и зародились основы будущего права (мононормы). Теория синкретизма социальных норм получила большую поддержку среди как историков, так и юристов. С течением долгого времени, с постепенным развитием общества мононорма постепенно дифференцируется на три составляющих, одной из которых и является норма права.

Сходства:

- Религия, как и мораль включает в себя нравственную проблематику, например долг и справедливость;
- Эти понятия основываются на вере, религия – на вере в сверхъестественное, мораль – на вере в добро и справедливость;
- В своей основе имеют эмоционально-чувственную направленность;
- Представляют собой консервативные регуляторы.

Различия:

- Имеют разные предметы, религия – сверхъестественное, мораль – честь, добро и т.д.
- Религия имеет широкую сеть институтов (религиозный культ, различные религиозные организации), в то время как у морали такого не встречается;
- Религиозные предписания не всегда совпадают с моральными.

Природа норм морали, религии и права до сих пор представляет собой поле для дискуссий, каждая научная теория зарождения социальных норм

имеет право на существование. Подводя итог, необходимо выделить следующие положения:

- практически невозможно доказать ту или иную теорию первичности социальных норм, в силу их древности;
- мораль является наиболее универсальным регулятором по отношению к религиозным и правовым нормам;
- мононорма выступает в роли «предшественника» социальных норм, реализуя себя в период постприродного мира;
- Нормы морали, религии и права имеют как черты сходства, так и существенные различия, дополняют друг друга и в то же время могут противоречить друг другу, но, несмотря на это, в своей системности они служат достижению единой цели – поддержание общественного порядка и реализация действительных условий для развития общества.

1.3 Пределы свободы религии и свободы вероисповедания в Российском государстве

Демократическое государство как новый этап развития государственности — это не только признание народа в качестве источника власти и соответствующая этому признаку вся система власти, но и определение важного места в этой концепции прав и свобод личности. Среди основных завоеваний в период становления демократического государства является гарантия свободы совести и вероисповедания.

Статьей 28 Основного закона России указанные свободы, в том числе право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, гарантированы каждому гражданину. Свобода совести стоит первой в указанном ряду, однако само понятие совести в законодательстве России не разработано, поэтому определить его содержание достаточно сложно.

Существует множество взглядов на понимание категории «совесть». В общефилософском смысле это этический феномен, под которым понимается способность личности к нравственному самоконтролю [84]. Такое же определение дал и доктор философских наук, профессор, автор популярных учебников по философии А.Г. Спиркин [77].

А вот известный лексикограф В.И. Даль определил совесть как внутреннее сознание человеком добра и зла [22]. Основываясь на приведенных суждениях, следует предположить, что сущность понятия «совесть» заключается в оценке человеком своих действий и намерений с точки зрения совокупности нравственных категорий – добра и зла, справедливости и несправедливости и т. д.

Как правильно отмечают Н.А. Придворов и Е.В. Тихонова, каждое из понятий – «свобода» и «совесть» – имеют собственный смысл, но содержание категории «свобода совести», в которую они входят, не является результатом простого сложения их семантики. Оно имеет собственное и мировоззренческое, и юридическое значение [71].

Определение свободы совести с точки зрения юриспруденции дано в уже упомянутой ст. 28 Конституции РФ. Однако юридический подход не раскрывает содержание названной категории, а концентрируется на чисто формальной стороне. О.А. Иванюк указывает, что это более широкое понятие по отношению к понятию «свобода вероисповедания». Такое суждение ставит под сомнение логичность конституционной нормы, где рассматриваемые категории используются как однородные члены, как самостоятельные понятия. При этом в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» свободе совести и свободе вероисповедания придается различный смысл: под первой понимается право руководствоваться в своем поведении собственными нравственными и этическими представлениями, которые напрямую не связаны с предписаниями религии, а под второй – право выбирать религию. Поскольку в рамках любой религии нравственные и этические правила уже

сформированы в систему, верующему человеку остается лишь соизмерять свое поведение с ценностями и идеалами его веры.

Атеистическое мировоззрение целиком и полностью основано на реализации такого неотъемлемого права человека, как свобода совести. То есть сознание человека формирует нравственные и этические нормы вне зависимости от конкретных религиозных представлений, а исходя из собственных представлений и приобретенного жизненного опыта.

В целом свобода совести и вероисповедания тесно переплетены, часто между ними нельзя найти разницы.

Признавая безусловную важность обеспечения рассматриваемых свобод, необходимо отметить, что реализация их имеет границы. Так, согласно п. 2 ст. 3 указанного федерального закона право на эти свободы может ограничиваться, если нарушаются права и интересы других граждан, организаций и государства. Речь в данном случае идет о действиях, которые в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» могут быть расценены как экстремистские – о возбуждении вражды и ненависти, пропаганде исключительности либо неполноценности человека по признаку отношения к религии, нарушении прав, свобод и законных интересов людей в зависимости их отношения к религии.

Учитывая многоконфессиональный характер нашей страны, необходимо большое внимание уделять обеспечению реализации рассматриваемых прав, а также нормативной регламентации их ограничения. Конфликты на основе религиозных и мировоззренческих разногласий могут угрожать России как единому государству.

Религиозные нормы как устоявшиеся правила поведения в рамках определенной религиозной системы (христианство, ислам и т. п.), наряду с нормами правовыми, играют большую роль в упорядочении общественных отношений. Религия и право тесно взаимодействуют и оказывают друг на друга влияние.

В существующих системах права место религии определено

неоднозначно. Религия может быть как полностью отстранена от участия в регулировании общественных отношений, так и глубоко вовлечена в процесс правового регулирования. Большинство современных развитых государств, в том числе Россия, светские, то есть в качестве государственной или обязательной в них не может устанавливаться никакая религия. Все религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Кроме того, упоминание Бога есть в гимне нашей страны, где Россия предстает как «хранимая Богом родная земля».

Довольно много споров вызвала поправка о включении Бога в текст Конституции РФ (ст. 67.1), многие выражали мнение о противоречии светскости страны либо нарушении прав не православных религиозных конфессий. Однако если ознакомиться с текстом поправки, то там речь идет лишь о том, что предки передали нам идеалы и веру в Бога, то есть констатируется факт об особой роли православия в истории России, который никем и не оспаривался. Подчеркивается цивилизационная особенность России и преемственность поколений. Поэтому ни о каком нарушении светского характера российского государства речи не идет. Более того, такое аккуратное употребление слова «Бог» в Конституции РФ как раз вызвано уважением к другим религиозным конфессиям и еще раз подтверждает право на свободу вероисповедания.

Содержание принципа отделения религиозных объединений от государства раскрывается в п. 2 ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Он означает невмешательство государства в процессы религиозной идентификации граждан, их религиозное воспитание в соответствии с религиозными убеждениями лиц, осуществляющих воспитание, в деятельность религиозных организаций и объединений, в не возложении на них функций органов государственной власти, государственных органов и учреждений, органов местного самоуправления, а также в обеспечении светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, если это

не противоречит действующему законодательству и не нарушает права граждан. При этом гарантируется право граждан на получение религиозного образования, а религиозных организаций – на создание образовательных учреждений и обучение детей религии вне рамок образовательной программы государственных и муниципальных образовательных учреждений с согласия самих обучающихся, лиц, имеющих право представлять их интересы, а также администрации образовательных учреждений.

То есть «светскость» означает невмешательство государства в деятельность религиозных организаций и гарантию права гражданам на самостоятельное определение своего отношения к религии, а не стремление создать полностью светское общество.

При этом современный этап развития российской государственности характеризуется проведением политики, направленной на поощрение деятельности традиционных религиозных объединений и всяческое культивирование религиозных ценностей. Это выражено, в частности, в объявлении религиозных праздников выходными днями, предоставлении налоговых льгот религиозным объединениям, установлении них льготных режимов получения земельных участков и т. п.

Должностные лица высшего уровня всячески пропагандируют религиозные ценности, посещают церковные богослужения, привлекают духовенство к участию в социальных мероприятиях, поощряют строительство церквей, мечетей и т. п. История показала, что полное отрицание и даже преследование религиозных ценностей, непринятие деятельности религиозных учреждений не есть благо для развития общества и государства. Это может привести к не менее серьезным последствиям, чем излишнее навязывание религии. После атеистического советского периода страна оказалась в глубоком духовном кризисе и нравственно деградировала. Современное возрождение России происходит на фоне возрастающей религиозности общества.

Таким образом, российское законодательство обеспечивает интересы

своего многоконфессионального населения и, признавая свободомыслие, тем не менее не ставит его в качестве главного принципа регулирования прав граждан на свободу совести и вероисповедания.

Подводя итог первой главы, мы видим, что:

- нормы права, как и нормы морали, являются социальными нормами, то есть правилами, регулирующими поведение людей в обществе;
- идейной основой и тех и других норм являются существующие в обществе представления о справедливости, о необходимости бороться со злом, а также признание необходимости учитывать конкретные интересы и потребности людей;
- Мораль и право разграничивают допустимое и недопустимое поведение человека, тем самым очерчивают границы свободы человека;
- Мораль и право преследуют общую цель – сохранение и развитие общества посредством регулирования поведения людей.
- Нормы права зафиксированы в нормативных правовых актах (имеют формализацию);
- Моральные и правовые нормы регулируют жизнедеятельность людей, но есть сферы, которые регулируются только нормами морали: любовь, дружба, взаимовыручка и т.д. Поэтому не каждое нарушение норм морали = нарушению норм права;
- Реализация нравственных норм обеспечивается силой общественного мнения, в то время как нормы права – государственным принуждением;
- Правовые нормы обязательны для исполнения, в то время как нормы морали носят рекомендательный характер.

2 Понятие и сущность религиозной безопасности в Российской Федерации

2.1 Понятие религиозной безопасности и ее место в системе общей безопасности государства

Составить представление о проблематике сегодняшнего показателя действенности национальной безопасности мы сумеем, применив к ней парадигму сегодняшней правовой политики, отражающей все понятия, используемые для идентификации нужных терминов, раскрывающей суть неуязвимости страны к внешним и внутренним вызовам, и предлагающей пути ее поддержания.

Приняв во внимание все вышесказанное, мы подходим к необходимости очерчивания формулировки национальная безопасность, опираясь на которое выявим ее содержание и установим главные тенденции эволюции уголовного законодательства, призванного защитить государственность РФ. Текущий транснациональный и национальный микроклимат выражается поиском решений упрочнения национальной безопасности, осуществлением детального анализа их компонентов.

Высокий статус важности данной тенденции задал направление работы актуальным теоретическим изысканиям и нынешней практике гарантирования безопасности во всех без исключения сегментах социума. Верховная власть, общность, и отдельные индивиды всегда сталкиваются с проблемой защиты личных интересов, и она улетучится лишь с исчезновением нашей цивилизации. Данный исторический парадокс в сегодняшней России, переходящей от социализма к рынку, особо актуален.

Поэтому государство не имеет права не выполнять важнейшую функцию в осуществлении защищенности от угроз наружной и отечественной природы. На сегодня, в общей теории права еще не появилось

совокупное и системное суждение о юридическом содержимом и сущности национальной безопасности, а также о схеме ее поддержания.

В нашей стране, анализируемый нами сегмент научного знания, в противоположность западному учению, где познание проблематики безопасности уж несколько десятков лет, как превратилось в независимый раздел теории международных связей (security studies), идет в учебных программах в роли самостоятельной дисциплины, пребывает на этапе становления. Кроме того, она до настоящего времени окончательно не сориентировалась с предметом и спецификой в сравнении с прочими ответвлениями политических учений.

В итоге, неразрешенность вышеприведенной проблемы оборачивается существованием ряда недочетов и коллизий в рабочем отечественном правоведении и правоприменительной практике, оказывающих вредоносное давление на незыблемость государства к вызовам изнутри и от внешних агрессий. Посему, скорейшее претворение в жизнь теории национальной безопасности, базирующейся на своем и импортном историческом опыте, в РФ имеет высокую значимость.

Новые познания помогут запустить анализ состояния этого политического направления на отечественных просторах, и покажут потенциал прогрессирования правового обеспечения защиты государства от посягательств изнутри и от иностранных враждебных сил. Мы считаем, аналитический процесс по изучению целостной картины национальной безопасности нужно запускать с введения общей формулировки безопасности. Сразу же подчеркнем, она в любых ее выражениях (демографическая, национальная, военная, прочее) в новейшей науке и практике выступает первостепенной категорией.

Вдобавок при этом она является доминирующей идеей для жизненных процессов, протекающих в обществе, находящемся в стадии постоянной трансформации, безопасность изменяется вслед за ним, требуя постоянного изучения своего нового наполнения. Древнегреческие философы определяли

безопасность пребыванием в ситуации отсутствия опасности и зла для человека. Главным препятствием достижения безопасности государства они считали неправильное его устройство. Рассуждения Платона из философского сборника о структуре и целях идеальной государства являются ярким примером подобного мнения [67].

Жители средних веков осознавали безопасность, как умиротворенное состояние души индивида, огражденного от всякого рода невзгод. На историческом отрезке с 17 по 18 века благодаря трудам знаменитых мыслителей того времени Д. Локка, Ж.Ж. Руссо, Б. Спинозы, Т. Гоббса и прочих безопасность приобрела иной смысл — это состояние спокойствия, зарождающееся при отсутствии моральных и физических раздражителей. Очевидно, рано заявлять о выстраивании полноценной формулировки национальной безопасности в тот миг, но в последующих работах идеи вышеперечисленных философов о взаимозависимости безопасности общества и индивида, о важности государства в их гарантировании и о пределах его компетенции, о взаимосвязи верховной власти и социума в рассматриваемой области были актуализированы.

Например, по мысли Т. Гоббса, «всесилие тождественно благополучию, ибо это инструмент поддержания безопасной жизни, а на безопасности покоится наш душевный мир» [14]. Д. Локк, напротив, «допускает противопоставление безопасности жителей и верховной власти» [42]. Известнейший мыслитель И. Кант в личных политико-правовых измышлениях делает упор на «целесообразности выделения внешней и внутренней неуязвимости государства и гражданского общества, взаимозависимости любой страны от безопасности интернационального сообщества, учения о всеобщем мире, выступающем однозначным поручителем и фундаментом защищенности» [35].

Другой известный исследователь Гегель представляет государство в виде нравственной субстанции, наделенной самосознанием. А обрушение общественной нравственности путем слома семейных основ, личностного

истощения, ухода от религии ведет к разложению духовного фундамента, крепящего защищенность страны перед внешними опасностями и внутренними разногласиями. Отметим, в правоприменительной сфере Российской империи термин национальная безопасность продолжительное время совершенно не использовалось. Данное понятие, лишь когда минула 1-я половина 19 века, превратилось в полноценный объект исследования теоретической политологии и юриспруденции.

М. Сперанский в Плате государственного обустройства указывает, что здесь «общим предметом для всего правового регулирования выступает учреждение общей безопасности индивидов и собственности» [76].

Защищенность, по мнению исследователя, является главенствующим и неотъемлемым достоянием любого человека, включенного в социум. Мысль М. Сперанского соизмеряется с мнением А.П. Куницына, входящего в число пионеров русских теоретиков правоведов, считающего безопасность и нужность защиты имущества главной целью объединения людей в общество под управлением верховной власти [39].

При этом члены данного образования передают правительству только часть личных прав (поддержка безопасности, наказание преступников и ряд других). Остальную часть личных прав жители оставляют за собой и не передают их управленцам ни по договору подданства, ни по соглашению соединения, ведь безграничная власть, делающая людей всецело бесправными – это зло. Управление обществом бывает нескольких типов, но конституционная монархия – это лучшая форма верховной власти для России. Лишь она дает всем гражданам справедливые законы и лучшую защиту от любых угроз.

Централизованное государство с господством правды, контролирующее частные силы, обеспечивающее устойчивость социальной сферы и обороноспособность государства, являлось политическим идеалом для Б.Н. Чичерина [90]. Приверженец гегелевского идеального мира П.И. Новгородцев продвигал идею правового государства, «объединяющего все

классовые, групповые и личные интересы в целях общей жизни, сочетая частные чаяния единством общего блага, достижение которого ведет к безопасности народа» [57].

В своей работе Кризис современного правосознания теоретик изучает диалектику стабильности политической организации общества и нравственно-правовых личностных ориентаций. Он утверждает: «Кризис правосознания неизбежно ведет к упадку государства и наоборот» [58].

Полагаясь на анализ соотношения человеческой общности и государства, когда ключевой идеей русской истории просматривается главенство государственного начала, отечественные мыслители и правоведы 19 века спроектировали своеобразную модель развития социальных структур, их значимости в схеме верховной власти, поддержания безопасности человеческих общностей и государства. Синхронно с философскими изысканиями тогдашние энциклопедические источники термин безопасность определяли состоянием дел, при котором любая опасность для страны и общества отсутствует [22].

Официальные документы 19 века в основном содержали лишь рекомендации по охранению общественной безопасности, понимаемом преимущественно под пресечением злодеяний против государства. Формальное определение госбезопасности в коммунистической республике появилось в 1934 г. Формулировку разработали в органах ГУ НКВД.

Подчеркнем, она по большей части отражал позицию тогдашней верховной власти государства о главенстве забот республики диктатуры пролетариата над общественными и личностными запросами. Термин госбезопасность официально появился в тексте Конституции советской России в 1936 г. С этого момента он мелькает в официальных актах, постановлениях и юридической литературе коммунистической страны. Выделим, понятие госбезопасность, с минуты официального закрепления, использовалось без малейших разъяснений его значения до 50-х годов

прошлого века, когда в юридических трудах начали проскальзывать поползновения его исследования.

Рассматривая трансформацию государственной безопасности в советской стране, выделим три этапа развития этого процесса:

- Ортодоксальный период. Он длился до середины 70-х годов прошлого столетия. Это время характеризуется отсутствием теории безопасности, вместе с тем ряд разделов научного коммунизма и исторического материализма включил данную проблему в список своих объектов познания.
- Период модернизации. Он длился с середины 70-х до середины 80-х годов прошлого века. В это время работы советских ученых наполнились новыми теориями и методологическими частностями в марксистском толковании: теория международных режимов, взаимозависимости, баланса сил, геополитики и теория безопасности. А тема разоружения была одной из популярных направленностей в ту эпоху [6].
- Этап нового политического мышления. Он выражается существенной модернизацией советской теории безопасности, в частности, полным исключением из нее «классового подхода к пониманию безопасности. Методология анализа строится на взятых с Запада идеях либерального, социал-демократического и глобального толка. Например, неразумность гонки вооружения, надобность в прекращении противостояния между политическими системами, необходимость разоружения, главенство общечеловеческих запросов и объединение для борьбы с глобальными угрозами» [70].

В итоге, советское правоведение заложило некоторый фундамент для последующего научного изучения общей категории безопасность и ее подкатегорий: госбезопасность международная и социальная неуязвимость, прочее. Отметим, развал советской государства, и появление нынешней Российской Федерации сильно изменили подход политиков и юристов к

восприятию проблематики национальной и транснациональной безопасности по ряду причин:

- Новая страна нуждается в собственной идентичности, что выражается в новых требованиях от безопасности объективного очерчивания интересов нации, угроз и вызовов неуязвимости государства.
- Молодое политическое образование вынуждено заниматься переоценкой своего лидерского статуса и миссии в структуре международных отношений, а также заниматься поиском ресурсов для реализации личных политических запросов.
- Развал СССР и остановка тотальной вооруженной конфронтации между страной диктатуры пролетариата и капиталом стремительно преобразили пропорцию между военными и мирными аспектами национальной и мировой безопасности. Избавление от серьезной военной угрозы стало причиной ухода постулатов военной безопасности на второй план. Власть столкнулась с вызовами новой формации: уязвимость границ новой страны, противоправное переселение народов, проблемы естественного восполнения населения, акты террора, наркотрафик, незаконный провоз продукции, приверженность крайним взглядам религиозного толка, попытки сепаратных выступлений, дискриминация русскоязычного населения в бывших союзных субъектах, деградация медицинского обслуживания и прочее.

Да, в военной Доктрине РФ от 1993 г. инородные проявления, представляющие угрозу государственной безопасности (локальные конфликты в приграничных районах, территориальные претензии других держав, разрастание военных альянсов и прочее) еще стояли во главе пирамиды. Но в Концепции национальной безопасности от 1997 г. уже внутренние опасности (экономическая несостоятельность, социально-политическая напряженность, шовинизм, религиозный экстремизм,

сепаратизм, терроризм) определяются наибольшими проблемами для госбезопасности государства [7].

4. Россия вынуждена с нуля создавать механизмы поддержания защищенности страны от внешних и внутренних угроз, ведь хотя и эффективный советский аппарат оказался недееспособен в новых реалиях. Поэтому армия, спецслужбы и прочие силовые ведомства претерпели жесткую реорганизацию.

5. Страна оказалась в сложнейшей геополитической обстановке. ЕС стал новой силой с серьезными военными и экономическими возможностями. Синхронно НАТО укрепляло свои позиции, принимая в свои ряды новых членов. Кроме всего прочего североатлантический блок заявил претензии на роль ключевого гаранта европейской и трансатлантической безопасности, потеснив с лидерских позиций ОБСЕ и ООН.

Молодое государство столкнулась с трудностями поиска своей ниши и отстаивания запросов нации в новой модификации транснациональных связей. Поначалу у верховной власти России отсутствовала политическая инициатива, и она идентифицировала действия Запада (особливо натовское разрастание) в качестве главного рассадника угроз национальной безопасности. Но через несколько лет правительство осознало, что поползновения на безопасность с южного направления – кавказский, афганский и таджикский рубежи таят более существенную опасность. Одновременно в дальневосточном регионе приходится маневрировать между мастодонтами местной политики Китаем, Японией и Соединенными Штатами, ведущими серьезную борьбу за главенство в данной локации. 6. Развал советской государства и созревание новой отечественной идентичности пришлось на период общемировой глобализации, отразившейся и на национальной безопасности Российской Федерации. Процесс всемирной интеграции принес ее участникам не только положительные бонусы: приостановка вооруженного противостояния, увеличение взаимного доверия, конверсия оборонки, всеобщее разоружение,

но и сделал их сильно уязвимыми перед терроризмом, экономической преступностью, наркобизнесом, экологическими, финансовыми и прочими проблемами.

Привычное для времени глобализации стремление к универсализации и унификации бросило вызов национальным ценностям и традициям различных наций. России, как и прочим странам, пришлось в экстренном порядке искать ответ новым угрозам. Международные организации от комиссий Бранда до Юга в период с 80-х по 90-е годы прошлого столетия принимали ряд документов, содержащих предписания о необходимости глубокой переоценки путей отстаивания национальных интересов, например, в переводе акцентов с разоружения на ликвидацию социально-экономических и прочих условий, подрывающих стабильность фундаментальных устоев.

Прошедший в 1987 г. саммит по соприкосновению между разоружением и эволюцией под патронажем ООН и состоявшаяся в 1990 г. в Ташкенте встреча военных экспертов расширили формулировку безопасности, дополнив ее отсутствием внешнего политического и экономического шантажа, допустимостью национального прогресса, выполнимостью удовлетворения первостепенных человеческих запросов. Озвученные потуги и сдвиги сформировали совершенно непривычный перечень шагов в сфере национальной безопасности для науки России.

Поэтому оперативное решение проблем, препятствующих продвижению новой сути терминов национальная безопасность и ее государственной и общей проекциям, станет правильным ответом на необходимость создания новой концепции неуязвимости перед угрозами инородного и отечественного плана.

Национальная безопасность, характеризуется многогранностью и требует рассмотрения по следующим векторам:

- пространственный, как сегмент транснациональной неустойчивости, употребительно к защищенности в пределах оцениваемой государства;
- национальный, отражающий запросы населения выбранного государственного образования, как нахождение в положении защищенности жизненно ценных запросов личности и человеческих общностей от инородных и внутренних вызовов;
- военный, трактуемый безопасностью, ситуацией, когда державе не угрожает вооруженная конфронтация или прочие посягательства, чреватые потерей национальной независимости;
- с позиции суверенности страны, как ее состояние, когда поддерживается целостность и не нарушается право самостоятельности на международном театре политических баталий.

Религиозный вопрос в постсекулярную эпоху, когда религия активно участвует в публичной политике, в политическом пространстве Российской Федерации стоит особенно остро ввиду поликонфессиональности и многонациональности государства. Уже по сути 30 лет углубляется социальная дифференциация российского общества, все более многообразным становится религиозный мир, динамично развивается его виртуальная составляющая, возрастает количество граждан, находящихся в религиозном поиске, активизируются практикующие верующие, наблюдается распространение различных религий, в том числе и нетрадиционных для регионов. Факторами реальности становятся религиозная маргинальность и религиозный «туризм».

С повестки дня не сходят проблемы религиозного экстремизма и религиозного терроризма. Происходящие сегодня в религиозной сфере процессы дополняют присущую религии конфликтогенность новыми особенностями и линиями противоречий, что становится важными вызовами и не может не учитываться властными структурами для обеспечения религиозной безопасности. Негативными факторами актуализации

регулирования государством религиозной сферы являются прежде всего изменение этноконфессионального состава региона, популяризация и героизация радикальных религиозных идей, влияние иностранного элемента на политико-религиозный процесс, обострение нетолерантного поведения граждан.

Особенно негативные проявления религиозности заметны в приграничных и поликонфессиональных субъектах РФ, в частности в Саратовской, Волгоградской, Астраханской областях, относящихся к ареалу Нижнего Поволжья. В данном регионе наиболее ощутимы этноконфессиональная идентичность граждан, взаимосвязи между светскими властями и частью религиозных институтов, миграционные риски, что не смогло не обратить на себя внимание научного сообщества этих субъектов РФ.

Под религиозным экстремизмом понимается нетерпимость к представителям других религий или в случае религиозного конфликта к инакомыслящим в своей религии. Социальную базу религиозного экстремизма, как правило, составляют маргинальные слои общества.

Экстремизм направлен на уничтожение существующих в обществе определенных отношений и ликвидацию многонационального государства, что в определенном ключе имеет связь с сепаратизмом. Религиозный экстремизм можно характеризовать приверженностью к крайним толкованиям вероучений и методов деяний по распространению своих взглядов на пути к своей цели. Отличительной чертой религиозного экстремизма можно считать крайнюю форму нетерпимости к инакомыслию, проповедь своей исключительности и превосходства над окружающими, что, представляет опасность для стабильного существования государства [25].

По мнению Б.К. Мартыненко, кандидата юридических наук Ростовского юридического института, религиозный экстремизм выступает как проявление нетерпимости к людям другой веры и суждений, либо жестокое поведение в случае религиозного конфликта [46].

Ислам по своей природе ничто иное как, толерантная религиозная система мира и добра. Поэтому, главной задачей исламского общества является не политическая целесообразность реформирования ислама, а создание для ислама и верующих мусульман всего необходимого из условий гармоничного развития и бесконфликтного существования [66].

Рассматривая примеры действия религиозного экстремизма, можно охарактеризовать ряд базовых элементов исламского вероучения, используемого часто представителями экстремистских организаций:

- 1) исламское мировоззрение относительно построения исламского государства;
- 2) отношение человека к видимому современному западному миру;
- 3) отношение человека к загробному миру.

Традиционная исламская идеология представляет мир как результат творения Аллаха, создавшего совершенный мир.

Экстремизм, выступающий от имени ислама, расставляет акценты на негативные и отрицательные действия. Смысл жизни человека заключается в спасении за счет внутреннего духовного самосовершенствования. Представители экстремистских течений разделяют людей на правоверных и неправоверных, которые достойны и недостойны спасения, тех, кто нуждается в исправлении ради их собственного спасения.

В исламе человек – связующее звено человеческого с загробным миром. Следовательно, человек принимает мир и должен беречь его, ведь Всевышний его таким создал и не должен пытаться переделать его.

В исследованиях европейских политологов М. Юргенсмейера, Д. Корбина, К. МакКоли уделяют изучению личности террористов и террористов-самоубийц. Автор в своих работах по изучению феномена «экстремизма» уделяет много внимания таким вопросам как политика дерадикализации, религиозного просвещения и профилактики экстремизма на примере действующих программ Европы и Российской Федерации.

Основой изучения экстремизма является понимание его сущности, которая направлена против существующих в обществе норм, правил, принципов, обычаев и традиций. Особое значение уделяется экстремизму с использованием религиозных чувств; именно в такой форме экстремизм способен порождать жестокий террор, так как исполнителями в данном случае выступают религиозные фанатики, для которых нетерпимость к инакомыслящим приобретает сверхценное значение, придает их жизни смысл. Более того, они готовы во имя этих принципов жертвовать не только своей, но и жизнями других людей.

К сожалению, в современном мире экстремизм играет весомую роль в решении многих политических и религиозных вопросов. В связи с ростом проявлений все новых идей видоизмененной идеологии, встает вопрос об более глубоком и детальном изучении этого феномена в перспективе.

2.2 Религиоведческая экспертиза как необходимое условие в достижении обеспечения религиозной безопасности

В настоящее время все более масштабным становится экстремизм, «замотивированный» религией, другими словами религиозно-мотивированный экстремизм.

В данной группе экстремистских преступлений выделяется несколько мотивов, в том числе – национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды. Религиозно-мотивированный экстремизм возникает на основе какого-то вероучения.

Группа лиц, сообщество или организация интерпретирует какую-то его часть и формирует на его основе свою идеологию, активно привлекая в свои ряды обычных граждан. Представители террористических и экстремистских сообществ вырывают из контекста религиозной традиции нужные им цитаты, фрагменты текстов, трактуют обряды в свою пользу.

При этом религиозная неграмотность граждан является одной из главных причин, способствующих совершению преступлений рассматриваемой группы [54].

Основными способами профилактики и раскрытия экстремистских преступлений выделяют назначение и производство экспертиз [20], так как при их расследовании следователь может столкнуться с необходимостью получения специальных знаний и проведения соответствующих исследований, в том числе различных видов экспертиз, например: дактилоскопической, трасологической, судебно-медицинской, судебно-психологической, судебно-технической экспертизы документов и других.

Выбор экспертизы зависит от объектов, которые подлежат исследованию, а также от специфики той категории дел, по которой проводится следствие. При расследовании преступлений экстремистской направленности специфическим элементом выступает невозможность изъятия или полного изъятия, сохранения и предоставления эксперту объектов, которые содержат информацию о совершении преступления. Здесь важно определить первостепенную значимость того или иного вида экспертизы, для этого следователи прибегают к помощи научных консультантов, функция которых «в первоначальном анализе объекта и определении наличия негативных или оскорбительных характеристик нации, расы, религии, негативных установок или подстрекательства к враждебным действиям против какой-либо этнической, расовой или религиозной группы, а также помощь в определении сферы последующих исследований» [63].

Религиоведческая экспертиза может оказывать существенную помощь следствию в установлении мотива преступления, в случае его совершения на религиозной почве или если подозреваемый принадлежит к какой-либо религиозной группе.

В развитии института религиоведческой экспертизы основополагающими нормативно-правовыми актами стали: постановление Правительства РФ от 3 июня 1998 г. № 565 «О порядке проведения

государственной религиоведческой экспертизы», Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации», приказ Федеральной регистрационной службы от 16 июля 2007 г. № 148 «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года № 1315 «Вопросы Федеральной регистрационной службы».

«В соответствии с разработанной законодательной базой одной из основных задач проведения религиоведческой экспертизы является определение религиозного характера организации путем анализа учредительных документов, сведений об основах вероучения и соответствующих практик» [11].

Религиоведческая экспертиза также решает задачи:

– определения круга основных ценностей, социально значимых установок и практик исследуемого религиозного направления, а также установления степени достоверности сведений о представленных вероучении и культовой практике;

– выявления негативных оценок данного религиозного направления по отношению к другим религиям.

Приказ Минюста «О государственной религиоведческой экспертизе» устанавливает, что проведение экспертизы осуществляет Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (либо Управление Министерства юстиции Российской Федерации в субъекте Российской Федерации).

К сожалению, на сегодняшний день практически отсутствует общеутвержденная методология проведения религиоведческой экспертизы, и эксперты опираются на знания в области религиозной традиции, религиозной идеологии, религиозного культа, религиозной литературы и источников, которые дают возможность применить эти знания при квалификации

элементов исследуемого объекта в процессе определения экстремистских признаков [15].

Судебно-религиоведческая экспертиза представляет собой исследование материала религиозного характера, проводимое экспертом-религиоведом с использованием знаний в области религиоведения в целях интерпретации его содержания, определения смысловой направленности и выявления религиозно-экстремистского контента.

Она не проводится в государственных судебно-экспертных учреждениях, «однако может быть произведена лицами, обладающими соответствующими знаниями в негосударственных центрах судебных экспертиз, научно-исследовательских институтах или в образовательных организациях высшего образования» [54].

Таким образом, обобщив все вышеизложенное, можно сделать вывод, что при расследовании преступлений экстремистской направленности, в разрезе применения специальных знаний, чаще всего прибегают к экспертизам.

Религиоведческая экспертиза является относительно новым явлением, но в то же время, довольно распространенным. Применяя религиоведческую экспертизу при расследовании дел указанной категории, следствие может значительно упростить задачу поиска необходимых доказательств, а также ускорить процесс расследования, выбрать нужное направление действий.

Думается, что в дальнейшем, для более обширного применения религиоведческой экспертизы, необходимо развитие методологии ее проведения и установление более конкретных требований к экспертам-религиоведам.

2.3 Методы обеспечения религиозной безопасности в Российском государстве

Современные, наиболее аттрактивные и остро звучащие идейные пространства и связанные с ними апелляции к различным наукам отражают во многом политические сюжеты взаимоотношений общества и религии, государства и религиозных институтов и т.д.

Онтологичность религии, ее более глубокий и устойчивый характер, позволяющий «переживать» экономические и политические структуры, воздействует как на государственные институты, так и на параметры человеческой жизни. Инструментарий и понятийный аппарат интерпретации новых референтов подвержен трудностям и ограничениям.

С одной стороны, понятия многозначны, их содержание вариативно, а смыслы обладают широким спектром оттенков, зависящим от собственных причин эволюции знания, от доминирующей модели интерпретации социально-политической реальности, от идейных нарративов, от мировоззренческих баталий и столкновений.

С другой стороны, накладывает отпечаток сам предмет – религия, пересекающаяся с Верой и верованием, с сакральными и трансцендентными смыслами, а также с традицией Священных Писаний и Преданий. Изучение подобных сюжетов, на первый взгляд, требует обращения к наукам о религии, однако они наиболее подвержены и благословениям, и проклятиям, поскольку вступают на далеко не обычную для науки землю, и вынуждены прокладывать путь между сакральными смыслами и политической конъюнктурой, между верой и рациональностью.

Наряду с этим, новые религиозные смыслы современности диверсифицированы и проникают в области, ранее для них несвойственные, перестраивая традиционные иерархии и ценностно-институциональное пространство.

Актуализировавшаяся многомерность присутствия религии «вне церковной ограды», меняющееся соотношение традиции и современности в религиозных координатах отражает поиски новых форм социальности, ощущение нарождающегося нового мира, переосмысление ткани политического, предложение проектов будущего: от алармистских предостережений до утопического светлого мира Веры.

М. Гопин в книге «Между раем и Армагеддоном: будущее мировых религий, насилия и миротворчества» делает акцент на том, что все религии предлагают законы и идеи, которые обеспечивают цивилизацию ценностями мирного сосуществования: эмпатия, открытость и даже любовь к представителям других культур, подавление своего эго, а также настаивают на правах человека, безусловном прощении и человечности, принятии прошлых ошибок. Религиозные убеждения выступают как средство примирения, и следование религиозным догматам ведет к общественной справедливости [97].

Одновременно религиозная вовлеченность в сферу международных отношений ведет к конкуренции и конфликтам. Религиозные коннотации становятся полем дискурсивной конкуренции в политическом и идейном пространстве, фиксируют логику изменения политических парадигм.

Так, предложенная Г. Гроцием прагматика преодоления войн в Европе и коррелировавшая с созданием Вестфальской системы элиминация Бога из системы международных отношений привела к определенным последствиям («Ведь если Бога нет, то все позволено»): сегодня возникает политический лозунг, характерный для электорального пространства стран Латинисткой Америки, прежде всего для Бразилии, который во многом выражает интересы всего общества, – «Бога в президенты».

Согласно этому лозунгу, используя «молитву, пост и священное писание», необходимо довести до народов мира кандидатуру Бога на пост президента, т.е. «человек, связанный с Богом, должен управляться не другими людьми, а только Богом».

Можно сделать вывод о попытках реконструкции – практической реализации политического проекта переустройства общества, который в соответствии с религиозной консервативной моралью становится альтернативой либеральному проекту рыночной глобализации [2].

Равноположенным феноменом выступают риски международного исламистского религиозного терроризма и миграционные вызовы, имплицитные ценностные и культурные конфликты между большими группами людей, которые принадлежат к различным религиозным традициям. Равно как и драматические столкновения между светскими и религиозными сегментами общества, которые трансформируют привычные политические и ценностно-нормативные параметры социального устройства, пересекаясь с параметрами национальной безопасности и культурных смыслов. Соотношение религии, национальной безопасности, религиозных смыслов и экстремистских идей, и практики, религиозных мотивов и молодежи становятся новым теоретическим сюжетом и управленческим полем, структурирующим как идейную ткань, так и политическую прагматику [72].

Национальная безопасность несет различные смысловые нюансы, становится категорией не только права, но и политической теории, теории международных отношений, государственной и общественной риторики.

Размывание линейного смыслового континуума понятия национальной безопасности свидетельствует о нелинейности его референтов, тогда как интерпретации последних имеют широкую вариативную шкалу, на крайних полюсах которой находятся традиционное понимание обороноспособности и защиты государства, и требования современности, определившие включение в концептуальное поле также экономических, социокультурных и личностных параметров. Изменение логики понимания национальной безопасности – от защиты государственных границ и конституционного строя к расширению субъектов и объектов национальной

безопасности – фиксируется в определении, данном в Стратегии национальной безопасности РФ.

Национальная безопасность трактуется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации».

Констатируемая в Стратегии диверсификация субъектов обеспечения национальной безопасности требует консолидации усилий государственных и религиозных организаций, поскольку параметры идентичности личности и общества структурируют в т.ч. религиозные ориентиры. Налицо возникновение нового концептуально-идеологического контекста: соотношения между государственным суверенитетом и национальными интересами; между параметрами идентичности и глобализацией; между универсальными и локальными референтными значениями.

Рассмотрение соотношения национальной безопасности и религии предполагает различные ракурсы, вероятно, имеет смысл говорить о различных оптиках изучения данного соотношения. Из многообразия возможностей представляется целесообразным выделить четыре: политическая оптика, ценностно-идейная оптика, оптика иерархий элементов национальной безопасности, выстроенная по их важности, и оптика человеческой жизни.

К первому правомерным представляется отнести, как самый наглядный тренд, появление и роль новых политических субъектов экстремистской и террористической деятельности, включая радикальные общественные объединения и группировки, использующие националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, что пересекается с проблемой

организованной преступности и др. противоправных посягательств на конституционный строй.

Также в данную парадигму попадают сюжеты, связанные с переопределением смыслового пространства социально-политических образований вследствие столкновения Больших традиций, проникновения чуждых религий в процессе миграции.

Религия часто понимается как ключевой компонент собственно человеческого, поэтому неслучайно центрирование еще одной доминирующей оптики рассмотрения соотношения национальной безопасности и религии на человеке как таковом и опасности «расчеловечивания» социального и политического бытия.

Кроме проблематики прав и свобод человека, включая обоснования их ограничений, данная оптика предполагает обращение к антропологическим и аксиологическим составляющим, вымывание которых из социально-политического пространства представляется угрозой «собственно человеческой» сущности истории и общества.

В данном ракурсе ключевым становится не только посыл преодоления социальной несправедливости и неравенства, развитие человека со всеми его потребностями, но также и понимание общего блага и человеческого измерения бытия. В этой связи традиции милосердия и духовности, присущие религиозным организациям, выступают одними из конкретных и эффективных технологий обеспечения национальной безопасности [53].

Если в обществе различные аспекты политизации религии вызывают сугубо отрицательную реакцию вплоть до полного нежелания видеть религию и религиозные институты в политической сфере, то историко-культурные, морально-нравственные смыслы, так же как и каритативная деятельность и благотворительность, поддержка семей и обездоленных детей, защита традиционной системы ценностей воспринимаются как глубоко позитивные.

Вопрос о степени ощущаемой обеспеченности или, наоборот, дефицита безопасности, связанной с религией, – прежде всего защищенность права на

свободу вероисповедания – представляется еще одним важным ракурсом национальной безопасности. Данная оптика позволяет ранжировать восприятие обществом угроз безопасности и сфер, в которых ощущается ее дефицит.

Можно сказать, что данная оптика – самая позитивно окрашенная, поскольку право на свободу вероисповедания, несмотря на ожесточенные дискуссии в информационной сфере и общественные баталии, занимает практически последнее место, находясь на периферии интересов, требующих защиты.

Несмотря на то, что на фоне других элементов национальной безопасности защищенность права на свободу вероисповедания выглядит малозначимой, тем не менее, этот элемент считают очень важным две трети россиян. Согласно данным Института социологии ФНИСЦ РАН, право на свободу вероисповедания в нашей стране в целом защищено: возможность исповедовать свою религию оценивают как хорошую 43% россиян, как удовлетворительную еще больше – 52%, и как плохую – лишь 5%.

Причем это одна из наиболее благополучных сторон жизни россиян, лучше наши сограждане оценивают только отношения в семье и возможности общения с друзьями. Все остальные сферы жизни, связанные с безопасностью, здоровьем, социальным и материальным статусом, работой и образованием, а также с возможностью выражать свои политические взгляды, оцениваются с гораздо большей степенью незащищенности, по сравнению с возможностью исповедовать свою религию [1].

Ценностно-идейное рассмотрение соотношения религии и национальной безопасности включает в себя большой пул проблем, связанный с ценностным каркасом социальности и государства.

К нему следует отнести: обеспечение внутреннего ценностного единства, социальной стабильности, межнационального согласия, религиозной терпимости, а также противодействие разрушению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и

информационной и культурной экспансии, разрушающей традиционные ценностные системы.

Одним из рычагов обеспечения национальной безопасности России выступают образовательные каналы, в т.ч. посредством повышения качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий.

Религия представляет собой одну из составляющих культуры, которая закрепляет и переводит в разряд традиции культурно-нормативную и символическую специфику общества, выполняет регулятивную и нравственную функции.

Культурно-ценностное единство может быть рассмотрено через континуум смыслов, в которых формализируются культурные образцы, составляющие основу для ценностной консолидации и для коллективных действий: «тот, кто говорит о родине, подразумевает духовное единство своего народа» [33].

Эта метафизическая проекция отражается в современном запросе российского общества на единство, на обеспечение ценностной целостности, на поддержание статуса России как субъекта исторического творчества. Культура может быть интерпретирована во многих ракурсах – от способа бытия до артефактов культурного наследия. Если первая, представляя собой символическое основание, задает определенные границы, конкретизируемые как в моральных императивах и обычаях, так и в гражданско-правовых аспектах, то культура, как искусство, в концентрированном виде вбирает форматизированные идеалы, образцы и ориентиры общества, обеспечивая его преемственность в пространственно-временных координатах.

Отражение в массовом сознании восприятия культурно-эстетической сферы воспроизводит параметры единого культурного пространства. Культурные и ценностные предпочтения приверженцев традиционных российских религий и мировоззрений демонстрируют, что как в смыслозначимых, так и в культурно-эстетических контекстах не существует

демаркационных линий, а единство культурного поля является интегральным показателем российской цивилизации.

Показательно, что в данном аспекте культура выполняет функции обеспечения единства для всего поликонфессионального российского общества, выступая в качестве глубинной смысловой основы. Именно культура должна находиться в фокусе внимания при выработке государственных стратегий, направленных на ценностную консолидацию и недопущение распространения экстремистских настроений, идей и практик.

В проекции инструментальной политики данная оптика соотношения национальной безопасности и религии с необходимостью должна включать обращение к общему ценностному пространству – к единству ценностных ориентаций как культурной основе национальной безопасности.

Из различных контекстов данного посыла возникают черты и параметры национального проекта, политические коннотации которого должны включать измерения социального единства, консенсус относительно базовых ценностей, социальную солидарность, как следствие, устойчивость нравственного каркаса.

В русле логики данной работы, в поле зрения которой попадают сложнейшие вопросы соотношения национальной безопасности, культурно-ценностного единства и профилактики религиозного экстремизма, представляется гносеологически оправданным обращение к результатам экспертных опросов (N=20), полученных в ходе реализации проекта 2019 г. «Религия в современной России: от социальной роли к политическим смыслам» и исследовательского проекта 2020 г. «Социогуманитарные аспекты противодействия экстремизму» (№ 075-00167-20-03), в которых четко прослеживается логика смещения акцентов в сторону корреляции ценностно-культурных паттернов и национальной безопасности.

Из всего конгломерата сюжетов и разнообразия мировоззренческих предпочтений применительно к предмету исследования данной статьи можно

зафиксировать общую озабоченность: «идею экстремизма можно противопоставить только альтернативную идею».

Поэтому публичная, спокойная поддержка свободы совести для каждого человека – необходимое и достаточное условие для поддержания межконфессионального мира. Хотелось бы отметить, что такая негромкая, но очень нравственная работа ведется всеми традиционными конфессиями России.

И, в том числе и этими усилиями, в целом в России сохраняется атмосфера мира и взаимного уважения религий. Эта работа не попадает часто на экраны телевизора и в заголовки газет, но масштаб и эффективность ее не стоит недооценивать» (эксперт Д., Общественная палата РФ, г. Москва).

Вопрос о роли религиозного фактора в обеспечении ценностного единства вызвал разнообразие интерпретаций, зависящих от религиозно-мировоззренческой ориентации, однако консенсусным представляется мнение о необходимости внятного ценностного континуума как параметра национальной безопасности – и в проекциях нравственности и духовности, и в культурно-гражданских смыслах: «“Ценностное единство общества” – утопия и вряд ли достижимый идеал, но уменьшить количество зла, насилия и жестокости можно только увеличением людей, охваченных противоположными “нравственными чувствами” – добродетелями, воплощенными в реальные дела добра, милосердия и сострадания, заботы о близких, созидательном творчестве и т.д.» (эксперт А., православный священнослужитель, г. Санкт-Петербург); «Главные ценности – это общечеловеческие... Это главное основание для единства... Религиозные организации... просто обязаны способствовать развитию гражданственности и ценностному единству общества».

Никакое общество не однородно, но есть общие позиции – патриотизм, деятельная, а не на словах, любовь к своему Отечеству, любовь к ближнему, сострадание и пр.» (эксперт В., философ, г. Дербент); «Религиозные организации могут усилить публичную проповедь социальной солидарности

в обществе, проповедь нравственного понимания труда и собственности» (эксперт К., религиовед, г. Орел).

Можно констатировать, что оценки роли религиозных организаций в формировании и поддержании ценностного единства общества достаточно консолидированы: религиозные институты выступают не единственными, но влиятельными образованиями, способными сохранять и передавать ценностные установки при существующем разнообразии религиозных традиций.

Политико-гражданские контуры ценностного пространства представляются не менее важными, причем они пересекаются с культурными параметрами, и при этом роль религиозных организаций и смыслов становится потенциально консолидирующей: «В России общественное служение – это особый в социокультурном отношении способ бытия и выражения гражданской субъектности личности; это не только предпосылка гражданской активности, это готовность к самопожертвованию, без чего гражданственность в России теряет свой смысл. ...важно не только понимать включенность религиозного фактора в процесс формирования личностно-ориентированного гражданского общества, но важно и ценностно-смысловое содержание самого этого фактора».

Современное присутствие религиозных смыслов, их акцентуация не только в публичных сферах, но и в ценностных и культурных смылозначимых параметрах в условиях изменения политической метафизики современности расширяет традиционную предметную область национальной безопасности. Следует сделать вывод о смещении логики рассмотрения противодействия экстремизму от коннотации угрозы к коннотациям использования ценностного и культурного потенциалов.

Данные сюжеты должны рассматриваться не только как объекты национальной безопасности, но и как требующие целенаправленной государственной политики.

Культура должна находиться в фокусе внимания при выработке государственных стратегий, направленных на ценностную консолидацию, одним из следствий которой является формулирование эффективных ответов на вызов экстремизма.

3 Приемы и способы обеспечения религиозной безопасности в современной России

3.1 Острые проблемы религиозной безопасности для российского государства на современном этапе развития общества и государства

Современное общество претерпевает постоянные изменения, появляются новые ценности, трансформируются идеи и ценности прошлого, появляются новые вызовы и проблемы для человека и общества.

Одним из важных элементов жизни человека во все времена выступала религия. Развитие современного мира связано с противоречивыми процессами: с одной стороны, секуляризация, «расколдовывание» мира, а с другой стороны сохранение религиозного влияния на человека и общество.

В различных исследованиях уровня религиозности и места религии в жизни человека отмечается достаточно высокий уровень приверженности религии, разделения религиозных ценностей [13], среди населения проявляется синкретичность религиозных представлений [19], эклектичность религии [53, 73]. Однако в исследованиях различных авторов нет представления о исчезновении или ненужности религиозных представлений.

Таким образом, религия по - прежнему выполняет важные функции в жизни человека и общества, превращаясь в действенную силу изменения мировоззрения и трансляции ценностей. В современности процессы глобализации, информатизации, усиления межкультурного обмена приводят к особой значимости религиозного фактора, превращая его в действенный механизм управления, завоевания, манипуляции, с целью распространения собственных ценностей, моделей поведения, установления влияния.

Отсюда актуальным выступает вопрос о духовной и религиозной безопасности личности и общества. Понятие религиозная безопасность

появляется сравнительно недавно, а осмысление ее сущности еще продолжается. Под религиозной безопасностью нами понимается ситуация внешней и внутренней защищенности человека и общества от рисков и угроз, исходящих от различных источников, в духовно - религиозной сфере.

С развитием человечества вопросы религиозной безопасности становятся все более актуальными. В условиях современности, обращение к религии как инструменту воздействия на сознание и ценности человека не потеряло своей актуальности. Постепенно приходит понимание о невозможности допущения военных действий, применения грубой силы при желании получить ресурсы или территории, тогда эффективными становятся методы, используемые в «мягкой силе», в том числе религия, которая способна воздействовать на сознание человека, менять его ценности, направлять не используя насилие и принуждение.

Риски и угрозы, порождаемые религиозным фактором, выступают существенными проблемами в развитии современного общества в силу того, что создают непосредственные угрозы жизни, обществу, изменяют системы ценностей, способствуют разжиганию межконфессиональной розни, напряженности, конфликтам. Среди основных угроз выделяются такие как религиозный экстремизм и преступления; деятельность миссионерских организаций и прозелитизм; утрата самобытных ценностей и привитие новых; деятельность нетрадиционных религиозных организаций. Если первые две угрозы создают непосредственно конфликт, преступление, то остальные нацелены на долгосрочную перспективу и несут в себе потенциал управления ресурсами, изменения мировоззренческой основы, ценностей человека.

Стоит отметить, что вопросы религиозной безопасности приобретают свою значимость со времени появления первых религиозных систем и не утрачивают своей актуальности.

В разные эпохи понятие религии и обеспечения религиозной безопасности наполнялось различным смыслом, на который большое

влияние оказывали культурные, политические, экономические факторы. Различные религиозные организации в истории получали совершенно разную трактовку их значимости, социальной полезности, либо опасности и деструктивности, это определялось господствующими социокультурными нормами, однако свою актуальность религия не потеряла и в современности, менялся ее культ, обрядовость, методы работы с верующими, ее место в социальной жизни, но она все равно остается.

Угрозы религиозной безопасности, порождены внешними и внутренними причинами в развитии общества и человека. Традиционные социальные, психологические, экономические причины усиливаются влиянием миграционных потоков, интеграцией мира и сопротивлением ей, усилением межкультурного взаимодействия, столкновение с глобальными проблемами человечества.

Актуальными угрозами безопасности личности становятся вопросы непосредственного физического воздействия, через проявления религиозного экстремизма и терроризма, совершение преступлений на религиозной почве, а также через изменение духовной культуры, влияние на ценности и установки личности, через психологическое и информационное воздействие. Механизмы обеспечения безопасности личности в религиозной сфере требуют постоянного детального изучения, анализа возможных проблем и угроз, прогнозирование потенциальных каналов воздействия на духовную культуру личности, его ценности и поведение.

Среди действенных механизмов обеспечения религиозной безопасности человека выступают:

- политико- правовой, раскрывающийся в выработке нормативно - правовой базы;
- организационно – практический, представляющий непосредственное применение законодательства на практике, контроль за его осуществлением;
- духовно - нравственный, включающий знания о конфессиональном составе и его особенностях в конкретной стране, о ценностях традиционной

культуры, об особенностях межкультурного и межличностного взаимодействия между религиозными группами различного толка;

- оценочно - регулятивный, предполагающий мониторинг религиозной ситуации и ее оценку для стабильного функционирования общества.

Необходимо понимание на уровне личности, общества и государства значимости религиозного фактора, его потенциала и способов использования в достижении целей.

Верная оценка сложившейся этноконфессиональной ситуации, угроз и рисков, содержащихся в ней, позволяет выработать комплексные и своевременные способы защиты человека и общества.

В исследовании угроз религиозной безопасности за последние более чем четверть века менялись как угрозы, их характер, специфика, так и приоритеты их изучения.

В современном состоянии анализа угроз религиозной безопасности в социо-гуманитарных науках можно выделить несколько тенденций.

1. Изменение акцентов в актуализации угроз религиозной безопасности. К числу важнейших угроз авторы с начала 1990-х гг. относят нарушения свободы совести и свободы вероисповедания. Несоблюдение государством свободы вероисповедания и принципа невмешательства, как потенциальная угроза расценивается и ведущими религиозными организациями. С конца XX в. популярной становится и остается таковой тема угроз конституционным принципам государственно-конфессиональных отношений. Речь идет о клерикализации общественно-политической сферы современной России.

В юридической науке базовым стало рассмотрение угроз с позиции отраженности в нормативно-правовых документах, что естественно и обоснованно с позиции этой науки.

Сегодня задача исследования усложняется. Если в 1990-е гг. авторы в качестве угроз акцентировали внимание на светскости, реализации прав и свобод в религиозной сфере, то с середины 90-х гг. XX в. и в XXI в.

происходит осознание реальных угроз, исходящих от религиозности в самых разных ее проявлениях. В XXI в. исследователи все больше внимания уделяют проблемам фундаментализма, фанатизма, прозелитизма, экстремизма, терроризма.

По сути, изучение угроз выделилось в отдельное направление, которое активно развивается [75].

2. Большинство исследователей рассматривает угрозы с позиции опасностей, исходящих от религиозности, религиозного мира.

3. Сегодня можно констатировать появление в социо-гуманитарных науках сегмента, который представляет проблемы религиозной безопасности и ее угроз с позиции традиционных религий. Серьезные сомнения и опасения вызывают предложения по решению проблемы религиозной безопасности, такие как отказаться от федерализма, изменить модель ГКО, сделать только традиционные религии субъектом защиты, и только с ними выстраивать отношения сотрудничества.

При увеличении разнообразия угроз религиозной безопасности, естественно, встает проблема их классификации. В абсолютном большинстве работ вопрос классификации угроз религиозной безопасности вообще не поднимается, так как авторы не ставят себе этой задачи, а обращение к угрозам не является объектом исследования.

Несколько классификаций угроз религиозной безопасности представил И.А. Тарасевич [79].

Их изучение показало, что они по подходам составления однотипны и отличаются только количеством угроз. Одна из них выглядит следующим образом:

- религиозный экстремизм,
- прозелитизм,
- утрата религиозных традиций народов России как результат процесса глобализации,
- г) религиозные преступления,

– деятельность нетрадиционных для российского общества религиозных объединений деструктивной направленности отечественного и зарубежного происхождения» [79].

Сопоставление предложенной автором классификации и требований к их составлению позволяет сделать вывод о несоблюдении основных критериев этого метода систематизации знания.

Общенаучные требования классификации предполагают совокупность изучаемых объектов представить, как систему соподчиненных групп на основании их сходства по сущностным свойствам. Структуру классификации составляют делимое понятие, основание деления и члены деления.

С позиции этого подхода классификация угроз религиозной безопасности может быть многообразной по основаниям деления и многотаксонной. На основе уже имеющегося исследовательского материала можно выделить угрозы внутренние и внешние, проявившиеся и латентные, реальные и потенциальные, по отношению к личности, обществу и государству, исходящие от определенных субъектов общественно-политических отношений (государства, общества, религиозного мира как его части, от каждого из этих институтов), от религиозного мира и светского, от государства и религиозного мира, от институционализированных и неинституционализированных субъектов, от институтов государства, от структур религиозного мира и др.

Социо-гуманитарные науки серьезное внимание уделяют изучению угроз религиозной безопасности. Анализ литературы позволил выделить ряд тенденций исследования этой проблематики: наблюдается изменение акцентов в актуализации угроз религиозной безопасности, большинство исследователей рассматривают угрозы с позиции опасностей, исходящих от религиозного мира, наличие в социо-гуманитарных науках сегмента, который представляет проблемы религиозной безопасности и ее угроз с позиции традиционных религий.

Проанализировав имеющиеся определения, автор полагает более точным определение угроз религиозной безопасности как совокупности условий и факторов религиозного характера, создающих прямую или косвенную опасность гражданам, обществу и государству. Ограниченные рамки статьи позволили остановиться только на самых общих сюжетах концептуализации. Серьезная работа предстоит по выработке консенсуса в категориальном аппарате, который используется при анализе религиозной безопасности и ее угроз.

Изучение литературы показало, что работа над концептуализацией угроз религиозной безопасности только начинается и требует дальнейших серьезных исследований, основанных на разностороннем анализе эмпирического материала.

3.2 Возможные пути стабилизации и повышения эффективности обеспечения религиозной безопасности в Российской Федерации

Необходимо отметить, что существуют различные варианты определения понятия религиозного экстремизма, таким образом, его определение можно сформулировать с юридической, политической, философской, религиоведческой, психологической, теологической и других точек зрения. В российском уголовном законодательстве нет отдельной статьи, посвященной религиозному экстремизму, но существует статья «экстремистская деятельность». Уголовные дела связанные с вопросами религии, несомненно, вызывают бурное обсуждение в обществе и требуют закрепления в законодательстве. На сегодняшний день отсутствие надлежащей регламентации в праве, касающейся религиозного экстремизма, может серьезно повлиять на ограничение прав и свобод человека и гражданина. Все это обуславливает актуальность исследуемой темы. Российская Федерация является светским государством, как закреплено в основном законе государства - Конституции, следовательно, базовым

является именно юридическое значение понятия религиозного экстремизма. Компоненты, но не определение понятия «экстремизм» содержится в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В них раскрывается, что экстремистская деятельность (экстремизм):

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; подрыв безопасности Российской Федерации;

- захват или присвоение властных полномочий;

- создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности;

- возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

- унижение национального достоинства; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

В теоретической литературе однозначного подхода к понятию, религиозный экстремизм нет. Религиозный экстремизм - это религиозные представления и соответствующие им деяния, имеющие антисоциальный характер, желание и стремление религиозного течения признание своей религии, ведущей и подавление других религиозных конфессий методом принуждения их к своей системе вероисповедания. Так же в опросе присутствовал вопрос о том, какие факторы в жизни человека влияют на формирование идеологии «религиозного экстремизма». При ответе мнения разделились. Одна половина опрошиваемых ответила, что одним из основных факторов является переломный момент в жизни людей, какие-либо события мирового масштаба. Обратившись к практике других государств, отметим, что среди мер профилактики распространения религиозного экстремизма, применяющихся в пенитенциарных учреждениях стран Европы, существует два основных направления:

- изоляция носителей экстремистских идей от основной массы заключенных,
- контрпропаганда (разъяснительная работа) среди заключенных.

В большинстве тюремных систем стран Европы распространена частичная или полная изоляция экстремистов от остальной части тюремного населения. Террористов распределяют в ограниченное число тюрем особо строгого режима. Например, в Великобритании всех исламистов и наиболее опасных заключенных помещают в шесть тюрем строгого режима, а в начале 2016 г. правительство страны решило для осужденных за экстремизм создать единую тюрьму. Для решения указанной проблемы в пенитенциарных

учреждениях стран Совета Европы используется «Проект руководящих принципов тюремных учреждений и учреждений пробации относительно действий в отношении радикализации и насильственного экстремизма», где в качестве факторов радикализации указываются переполненность тюрем и плохие условия содержания заключенных. Вместе с тем предлагаются и некоторые реальные средства для противодействия радикализации заключенных.

В частности предлагается:

- Набирать в тюремные службы и службы пробации персонал знакомый с языком и культурой заключенных.
- Персонал, работающий с осужденными, должен быть устойчив к радикальным идеям.
- Для противодействия экстремистским взглядам заключенных следует использовать ресурсы образования.
- Необходима регулярная оценка рисков радикализации в пенитенциарных учреждениях.
- В отношении тех, кто считается восприимчивыми к радикализации, следует использовать специальные программы ориентации на жизнь свободную от преступности и насильственного экстремизма.
- Предпочтение должно отдаваться религиозным представителям, сведущим в языках, ценностях и культуре, и способным вызвать положительные личные изменения у заключенных.
- Обучение персонала знаниям, позволяющим различать религиозные практики, связанные с экстремизмом. Сотрудникам должны быть обучены выявлению признаков радикализации и оценки рисков.
- Методы и экспертизы для выявления радикализации заключенных должны пересматриваться и обновляться на регулярной основе.
- Использовать в качестве волонтеров для реабилитации практикантов или заключенных бывших экстремистов, отказавшихся от насилия.

Заключение

В данной исследовательской работе была предпринята попытка обобщенного и комплексного анализа проблемы обеспечения религиозной безопасности.

Таким образом, несмотря на то, что религиозные права должны учитываться и уважаться, тем не менее, в первую очередь должен уважаться закон того государства, где находится мигрант или гражданин своей страны. Пока мы все не научимся уважать друг друга, уважать права и законы государства, говорить о безопасности, равенстве и правах – бессмысленно.

Одной из основных целей всех человеческих отношений является достижение мира и согласия в обществе, а межконфессиональный диалог, проявление милосердия и снисходительности в отношении представителей других религий – это полезное и действенное средство в осуществлении указанной цели

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать следующее:

- практика показывает, что правильно выстроенный межконфессиональный диалог является необходимым условием не только социокультурного развития в поликультурной среде, но и сохранения общества от таких деструктивных явлений как: радикализация и дискриминация и т. п.

- что касается межконфессионального диалога в цифровой среде, то он должен строиться на тех же принципах, как и в социально-бытийной;

- диалог конфессий должен строиться не как ассимиляция собственно конфессий и культур, а как единство в многообразии, дабы сохранить весь спектр религиозной и культурной палитры, и здесь появляется проблема – в синергии цифровой религии не растерять основные догмы религий, сохранить уникальность каждой конфессии, и как решить эту проблему, вопрос остаётся открытым.

- межконфессиональный диалог может стать более продуктивным, если использовать потенциал священных текстов в более расширенном диапазоне.

В условиях современных беспрецедентных вызовов и угроз христианству нашим церквам необходимо солидаризироваться в противостоянии им, совместно действовать как в информационном поле, в области юридической поддержки, так и в продвижении общехристианских ценностей в общественной среде и на международном уровне. Необходимо подумать о разработке учебных программ в церковных образовательных учреждениях по подготовке специалистов в области правовой защиты христиан, развивать сотрудничество церковных правозащитных организаций и мониторинговых центров, наладить обмен опытом между церквами в сфере противодействия агрессивному секуляризму.

Список используемой литературы и используемых источников

1. 7 Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского социологического исследования «Российское общество осенью 2018-го: тревоги и надежды» // Официальный портал Института социологии РАН: [Электронный ресурс]. URL: https://www.isras.ru/rezюме_ros_obschestvo_osen_2018 (дата обращения: 26.02.2021)
2. Абрамова М.Г. Религиозный фактор в современном политическом дискурсе стран Латинской Америки. Тетради по консерватизму, 2016, № 3. С. 65
3. Арухова А.Н. Государство и религиозные организации в реалиях XXI века : диалог и партнерство / А.Н. Арухова // История, философия, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – 2016. – № 5 (67). С. 44.
4. Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 1. С. 85–95.
5. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М.: Российское библейское общество, 2005. 1217 с.
6. Бидова Б.Б. Обеспечение национальных интересов России в контексте стратегии национальной безопасности. Кисловодск: АНО ДПОН «УЦ «Магистр». Кисловодск, 2018. 236 с.
7. Бидова Б.Б. Перспективы и тенденции познания права в условиях глобализационных процессов в мире //в сборнике: Государственно-правовое и социальное развитие современного общества: теоретические и практические аспекты. Материалы I Международной научно-практической

конференции, посвященной 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». 2018. С. 103-106.

8. Бочарникова И. С. Роль традиционных религий в противодействии религиозному экстремизму: региональный аспект / И. С. Бочарникова, С. Д. Постнов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1. С. 101-107.

9. Вааль де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов: пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 376 с.

10. Васильев, Д.В. Религия в системе политических отношений: [в странах СНГ] / Д.В. Васильев // Россия и современный мир: Проблемы политического развития. – М., 2007. – Ч. 2. С. 192.

11. Воронцов А.В., Прилуцкий А.М. Методологические проблемы религиоведческой экспертизы // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). С. 13

12. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», N 67, 05.04.1995.

13. Гаврилова Ю. В. Социальные изменения как фактор синкретизма религий // Общество: философия, история, культура. 2017. № 11. С. 29 - 33

14. Гоббс Т. Основы философии. Часть вторая. О человеке. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 622 с.

15. Градусова М.М. Религиоведческие аспекты судебной экспертизы по делам об экстремизме // Сайт АНО «Лингва-Эксперт». 2016. – [Электронный ресурс]. URL: <http://lingva-expert.ru/articles/Religiovedcheskaya-ekspertiza-ekstremizm/> (дата обращения 25.02.2021).

16. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

17. Григоренко А. Ю. Религия и толерантность. Специфика религиозной толерантности. Текст: электронный // РОНО: электрон. журн. 2014. № 23. URL: https://www.sites.google.com/a/shko.la/ejrono_1/vypuski-

zurnala/vypusk-23-maj-2014/tema-nomera-no23-osnovy-religioznyh-kultur-i-svetskoj-etiki-kak-novyjresurs-duhovno-nravstvennogo-razvitia-i-vospitania-ucasihsa/religia-i-tolerantnost-specifika-religioznojtolerantnosti (дата обращения: 07.03.2021).

18. Григорьев Г. Свобода: дар Божий и путь жизненного выбора человека // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. вып. 2. С. 18–28.

19. Гришаева Е. И., Фархитдинова О. М., Шумкова В. А. Религиозность верующих Екатеринбургской метрополии: от ортодоксии к постсекулярной эклектике // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 106 - 117.

20. Грушихина В.А. О понятии религиоведческой экспертизы при расследовании преступлений, связанных с распространением материалов экстремистской направленности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2015. – №1 (72). С. 37.

21. Гурин С. П. Маргинальная антропология. Саратов: Изд. центр СГСЭУ, 2000. 202 с. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya#ss-1-ponyatiya-granicy-i-marginalnosti> (дата обращения: 09.03.2021).

22. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Т.3. М.: ГИС, 1955. 584 с.

23. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. 3-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: Изд-во братства во имя св. князя А. Невского. 2003. 813 с.

24. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН "О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций" 1970 г. (Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года) // Международное право в документах. – М., 2012 г.

25. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002.С. 175.
26. Донцев, С.П. Русская православная церковь и государство в политической системе современной России / С.П. Донцов // Право и политика. – 2007. – № 6. С. 259.
27. Дробижева Л. М. Потенциал благоприятных отношений в областях Приволжского региона (по результатам социологического исследования) / Л. М. Дробижева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 3. С. 64-72.
28. Дрягалов В. С. Конфессиональная политика на юге России (сравнительный анализ) / В. С. Дрягалов, М. С. Топчиев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3. С. 102-111.
29. Евкочев, Ш. Ислам и модели политического и социально-экономического развития государств мусульманского мира / Ш. Евкочев // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 1.С. 171.
30. Жуков А. В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. С. 66–71.
31. Жуков А.В., Жукова А.А., Романова Н.П. Религиозная угроза как категория классического философского, религиоведческого и политического дискурса // Вестник ЗабГУ. 2018. Т. 24. № 2. С. 74–80.
32. Иванюк О.А. Практика рассмотрения религиозно-правовых споров // Административное право. 2011. № 2. С. 73.
33. Ильин И.А. О национализме // Ильин И.А. Пути России. М.: Вагриус, 2007. С. 191.
34. Канищев К. В. Право и религия: исторические и современные // Концепт: философия, религия, культура. - 2018. - № 2. С. 76.
35. Кант И. К вечному миру. Соч. в 6-ти томах. Т. 6. М.: Мысль, 1996. 438 с.

36. Келеберда Н.Г. Религиозная безопасность России в условиях современных вызовов // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 2 (23). С. 113–117.
37. Клеандров М. И. Нужна гармония отношений церкви и государства // Государство и право. - 2019. - № 7.С.196.
38. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // в «Собрании законодательства РФ», 04.08.2014, №31, ст. 4398
39. Куницын А.П. Право естественное. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1818. 144 с.
40. Куцяя М.А. Религиозный компонент национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4(22). С. 18–22.
41. Левакин И. В. Основопологающие начала современного конституционного регулирования религии // Государство и право. - 2019. - № 1. С. 47
42. Локк Д. Два трактата о правлении. М.: Мысль, 1988. 405 с.
43. Лонской Я.А. Религиозный экстремизм: влияние иммиграции на национальную безопасность России // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 1 (17). С. 180–186.
44. Лукьянова Е. Г. Светское государство в контексте соотношения права и религии // Российское право онлайн. - 2018. - № 3. С. 50.
45. Лункин Р. Н. Религия и право в современной России / Р. Н. Лункин, И. В. Загребина. М.: Юриспруденция, 2017. 256 с.
46. Мартиненко Б. К. Теоретическо-правовые вопросы политического терроризма. – Ростов-на-Дону, 1999.С. 98.
47. Мещерякова А.Ф. Религиозная безопасность и правовые аспекты ее обеспечения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 10. С. 98–102.

48. Милль Дж. О свободе. URL: https://www.royallib.com/book/mill_dgon/o_svobode.html (дата обращения: 09.03.2021).

49. Муслимов С. Ш. Религиозно-политический экстремизм в оценке массового сознания дагестанцев / С. Ш. Муслимов // Исламоведение. 2011. № 3. С. 94-99.

50. Мчедлова М. М. Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности / М. М. Мчедлова // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 110-118.

51. Мчедлова М. М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 77 – 84.

52. Мчедлова М. М. Российская идентичность: патриотизм, государство, религиозно-мировоззренческий фактор / М. М. Мчедлова, Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко // Ислам в современном мире. 2015. № 3. С. 35-48.

53. Мчедлова М. М. Религия и национальная безопасность: фокусы интерпретации // Религия, конфессии, общество и государство: история и современность взаимоотношений: Материалы II Межрегиональной научной конференции, 14–15 ноября 2019 г. Владимир: Аркаим, 2019. С. 18.

54. Назаркулова Ч.Н. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды: дисс. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2017.С. 17.

55. Нематов А. Р. Роль светского государства в диагностике и преодолении коллизий между правом и религией // Юридическая техника. - 2017. - № 11.С. 277.

56. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Харьков: Фолио, 2009. 446 с.
9. Салихов Н. Р., Мустаев Р. Ш., Мисбахов А. А. Религиозная безопасность // Вестник Научного центра безопасности жизнедеятельности. 2012. № 3. С. 31–35.

57. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. 355 с.

58. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1909. С. 11.

59. О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. - 1991 - № 52. - Ст. 1865

60. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (в ред. от 31.01.2016) // СЗ РФ. - 1997. - № 9. - Ст. 1011.

61. Овчинников А. И. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении / А. И. Овчинников, М. Д. Фоминская // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 7-15.

62. Овчинников А.И., Фоминская М.Д. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Северокавказский юридический вестник, 2014. № 3. С. 7–15.

63. Песчаный М.В. Особенности применения судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – №3. С. 207

64. Петрик, Н.Н. Перспективы правового регулирования взаимодействия светской и духовной власти в России / Н.Н. Петрик // Философия права. – 2015. – № 3.С. 56.

65. Письмо Минюста РФ «О применении законодательства о религиозных объединениях» от 24.12.1997 (вместе с «Методическими рекомендациями по осуществлению органами юстиции контрольных функций в отношении религиозных организаций», «Методическими рекомендациями о применении органами юстиции некоторых положений Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях») // Бюллетень Минюста РФ. 1998. № 7.

66. Пичугин П.В. Исламский экстремизм: мифы и реальность // Агентство политических новостей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications//article22558.htm/> (дата обращения: 25.02.2021)
67. Платон. Государство /перевод с древнегреческого А.Н. Егунова. М: Изд-во АСТ, 2020. 448 с.
68. Полутин С. В. Этноконфессиональная ситуация в республике Мордовия: социологический аспект / С. В. Полутин, Н. В. Шумкова, А. М. Чушкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1. С. 134-147.
69. Полутин С. В. Этнорелигиозные угрозы в Поволжском регионе / С. В. Полутин, А. М. Чушкин // Регионоведение. 2014. № 1. С. 114-122.
70. Пономаренко Я.А. Эволюция теоретических представлений о понятии национальной безопасности // Каспийский регион. политика, экономика, культура 2017. № 2 (51). С. 90-95.
71. Придворов Н.А., Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России. М.: Юриспруденция, 2007. С. 45.
72. Религия в современной России: контексты и дискуссии / отв. ред. М.М. Мчедлова. Москва, РУДН, 2019.С. 360.
73. Рыжова С. В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 118 - 127.
74. Самыгин С. И. Религиозная безопасность общества в контексте обеспечения религиозной свободы и противодействия религиозному экстремизму // Гуманитарий юга России. 2017. Т. 6, № 4. С. 167– 179.
75. Саядова А.С. Правовые основы противодействия религиозному экстремизму в современной России // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 117–122.
76. Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов //Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 3. С. 118-120.

77. Спиркин А.Г. Философия: учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2006. С. 711.
78. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие эмпатии и альтруизма // Гуманитарный вектор. 2011. № 2. С. 58–66.
79. Тарасевич И.А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2015. 49 с.
80. Топчиев М.С. Религиозные сети в контексте культурной безопасности юга России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 4 (49). С. 111–117.
81. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. - 2001 - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.
82. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 04.01.2016. - № 1 (часть II), ст. 212.
83. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г. // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16577#012255168159686858> (дата обращения 08.03.2021).
84. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М. : Советская Энциклопедия, 1983.С. 160
85. Филькин К.Н., Хазанов О.В. Куда может завести «методологический синтез»: рецензия на диссертационное исследование И.А. Тарасевича «Конституционно-правовые основы религиозной безопасности российской федерации» // Вестник Томского государственного ун-та. История. 2016. № 2 (40). С. 141–145.

86. Флиер А. Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 181–187.
87. Фромм Э. Человек для себя / пер. с англ. и послесл. Л. А. Чернышевой. Минск: Коллегиум, 1992. 253 с.
88. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
89. Цой Л. Н. Организационный конфликт-менеджмент: 111 вопросов, 111 ответов. М.: Книжный мир, 2007. 352 с.
90. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М.: Типо-лит. изд-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. 492 с.
91. Эгильский Е.Э., Матецкая А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения: учебное пособие. М.: КНОРУС, 2013. 224 с.
92. A closer look at changing restrictions on religion. URL: <https://www.pewforum.org/essay/a-closerlook-at-changing-restrictions-on-religion/> (дата обращения: 10.03.2021).
93. Albro R. Risk assesment in encounters between culture and security. URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/riskassessmentencountersbetween-cultureand-security> (Дата обращения 10.03.2021).
94. Beller J., Kröger C. Religiosity, religious fundamentalism, and perceived threat as predictors of Muslim support for extremist violence // Psychology of Religion and Spirituality. 2018. No. 10. Pp. 345–355.
95. Buzan B., Waever O., Wilde J. Security: a new framework for analysis. London: Lynne Rienner, 1998. 239 p.
96. Gavrilova Y., Shchetkina I., Liga M., Gordeeva N. Religious syncretism as a sociocultural factor of social security in cross-border regions // Mental Health, Religion and Culture. 2018. No. 3. Pp. 231–245.
97. Gopin M. Between Eden and Armageddon: the Future of World Religions, Violence and Peacemaking. New York – London, 2000.p. 124.

98. Green T. H. *The fear of Islam: an introduction to Islamophobia in the West*. Minneapolis: Fortress Press, 2019. 363 p.
99. Heene P. S., Klocek J. *Taming the Gods: How Religious Conflict Shapes State Repression* // *Journal of Conflict Resolution*. 2019. Vol. 63, Is. 1.
100. Milstein G., Manierre A., Yali, A. M. *Psychological care for persons of diverse religions: A collaborative continuum* // *Professional Psychology: Research and Practice*. 2010. No. 41. Pp. 371–381.